

Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД России

Российская ассоциация международных исследований

V

материалы

КОНВЕНТА

Российской ассоциации международных исследований

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА: ВЗГЛЯД ИЗ БУДУЩЕГО

Том 26

Страны Северной Европы и Балтии:
тенденции и перспективы развития

Москва, 2009

РАМИ

*mundum
cognoscendo*

**Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России**

Российская ассоциация международных исследований

Мировая политика: взгляд из будущего

Материалы V Конвента РАМИ

Под общей редакцией ректора МГИМО (У) МИД России,
академика РАН А. В. Торкунова

Москва
МГИМО — Университет
2009

**Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России**

Российская ассоциация международных исследований

Том 26

Страны Северной Европы и Балтии: тенденции и перспективы развития

Редактор тома: Чеканский А. Н.

Тексты публикуются в авторской редакции.
Мнения авторов могут не совпадать с мнением редколлегии.

Москва
МГИМО — Университет
2009

В сборнике представлены доклады, сделанные на секции «Страны Северной Европы и Балтии: тенденции и перспективы развития», проведенной в рамках V Конвента РАМИ «Мировая политика: взгляд из будущего», который будет проходить МГИМО (У) МИД России сентябрь 2008 г.

На заседании секции было представлено шесть научных сообщений, которые по содержанию можно условно подразделить на три группы. К первой из них относятся доклады, где авторы основное внимание уделяют рассмотрению исторических сюжетов, ко второй — сообщения, посвященные анализу главным образом современных тенденций развития и к третьей — доклады, содержащие прогностические элементы и идеи. Во всех представленных на обсуждение исследовательских материалах содержатся и исторические аспекты, и анализ современных тенденций, и прогнозы на будущее, однако их соотношение в текстах докладов позволяет провести указанное разделение на группы.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
----------------	---

ГЛАВА I

СЕКЦИЯ 9 «РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ДИНАМИКА И МЕСТО В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

А. А. Байков

Историко-политические типы интеграционных взаимодействий в Восточной Азии и зарубежной Европе: вклад политического анализа	9
--	---

С. В. Беспалов

Политика России на постсоветском пространстве: факторы повышения конкурентоспособности	27
--	----

Р. В. Бугров

Новый баланс сил в Европе: особенности создания наднационального уровня управления в ЕС	37
---	----

Е. В. Булатова

Формирование континентальных моделей региональной интеграции	45
--	----

О. Е. Гаврилов

Специфика регионального развития внутри интеграционных образований (на примере Европейского Союза)	53
--	----

С. В. Севастьянов

Глобализация и конкурирующие модели восточно-азиатского регионализма	61
--	----

Н. К. Харлампьева

Международный режим: основа методологии изучения Арктики	77
--	----

Д. С. Алексеев

Россия в конфликтной международной среде: векторы регионального развития на примере Саратовской области.....	95
--	----

ГЛАВА II

СЕКЦИЯ 12 «РОССИЯ-2020: АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СЦЕНАРИИ БУДУЩЕГО»

Г. В. Кретинин, Л. Л. Емельянова, И. И. Жуковский,

Т. Ю. Кузнецова, Т. Н. Чекалина, А. В. Косс

Калининградская область в сценариях взаимодействия России и Европы	111
--	-----

К. Ф. Завершинский

Дилеммы сценарного прогнозирования политической эволюции российских регионов (на примере Новгородского региона)	135
---	-----

В. Н. Коновалов

Моделирование сценарных прогнозов геостратегического процесса на примере Кавказа и Каспийского региона	147
--	-----

А. Л. Лукин, А. Е. Кожевников

Сценарии для Приморского края в контексте международных и российских факторов	159
---	-----

Д. Е. Москвин

Урал–2020: инновационный центр или индустриальный аутсайдер? 185

О. А. Сиденко

Россия–2020: проблемы и перспективы сценарного прогноза 203

А. Н. Учаев

Сценарий альтернативного развития Саратовской области в условиях нарастания
центробежных тенденций, ослабления связей и частичной фрагментации
политического пространства («Разбегающаяся Россия») 213

А. Цыганюк

Перспективы новой военной доктрины для России 225

Об авторах 235

Предисловие

На заседании секции было представлено шесть научных сообщений, которые по содержанию можно условно подразделить на три группы. К первой из них относятся доклады, где авторы основное внимание уделяют рассмотрению исторических сюжетов, ко второй — сообщения, посвященные анализу главным образом современных тенденций развития и к третьей — доклады, содержащие прогностические элементы и идеи. Во всех представленных на обсуждение исследовательских материалах содержатся и исторические аспекты, и анализ современных тенденций, и прогнозы на будущее, однако их соотношение в текстах докладов позволяет провести указанное разделение на группы.

В докладе О. Александрова, посвященном многостороннему взаимодействию государств на Балтике и в Северной Европе, дается обоснование формированию Балтийского региона как новой геополитической реальности. По мнению автора, расширение ЕС и НАТО наложило отпечаток на динамику и характер политической реконструкции региона и породило тенденцию превращения Брюсселя и Вашингтона в центры принятия решений в его отношении. О. Александров предпринимает попытку спроецировать «нынешнюю динамику регионального развития на среднесрочную перспективу», вскрыть новые возможности и вызовы для государств Северной Европы и стран Балтийского региона. В этом контексте он предлагает несколько сценариев развития событий региона и будущей роли России применительно к нему.

В научном сообщении Л. Воронкова основное внимание уделяется анализу становления, развития и значения «северного сотрудничества» как для интеграционных процессов на Севере Европы, форм участия стран Северной Европы в более широкой европейской интеграции, так и для внешнеполитической стратегии малых североевропейских стран в современном мире. Автор приходит к выводу, что «северное сотрудничество» продолжает иметь приоритетное значение для многих аспектов внутренней и внешней политики североевропейских государств и будет сохранять его в среднесрочной перспективе.

В докладе К. Воронова в дискуссионной форме поднимается ряд проблем, на основании анализа которых автор предпринимает попытку сделать прогноз развития региона на ближайшее десятилетие. Автор уделяет внимание анализу особенностей региона, облика его «внутреннего мира» и характеру внешнего воздействия на него. Он указывает на продолжающийся процесс дифференциации самих северных стран

и делает прогноз их дальнейшего развития, взяв за основу умеренный, консервативный подход. К. Воронов подробно рассматривает проблему сохранения социально-экономических достижений стран Северной Европы в условиях растущей нестабильности мировой экономики, уделяя внимание возможному влиянию на государства региона процессов глобальной геополитической трансформации и становления нового мирового порядка, европейской интеграции и отношений с Российской Федерацией.

Доклад А. Комарова посвящен истории становления и оценке перспектив развития двусторонних российско-норвежских отношений. Несмотря на некоторую двойственность в политическом курсе Норвегии по отношению к СССР, анализу которой автор уделяет большое внимание, он приходит к выводу, что в целом советско-норвежские отношения развивались в позитивном ключе и что из всех стран-членов НАТО Норвегия имела наиболее дружественные отношения с Советским Союзом. По его мнению, добрососедское российско-норвежское сотрудничество имеет устойчивый характер.

В научном сообщении А. Орешенкова доминирующее внимание уделено рассмотрению истории установления государственной принадлежности сухопутных и морских пространств в российско-норвежских отношениях на Крайнем Севере Европы. Автор освещает предысторию установления сухопутной границы между двумя странами в 1826 году, воспроизводит историю передачи Норвегии суверенитета над архипелагом Шпицберген на условиях Парижского договора 1920 года. Он указывает также на ряд современных проблем, которые остаются нерешенными в российско-норвежских отношениях в отношении Шпицбергена.

Доклад Р. Симоняна посвящен анализу взаимодействия тенденций глобализации, усиления общепланетарных процессов и формирования принципиально новой всемирной системы, с одной стороны, и тенденций увеличения разнообразия, степени фрагментарности мира, роста национального самосознания и усиления культурной дифференциации народов, возрождения традиционных ценностей, расширения локальных националистических устремлений — с другой, применительно к странам, расположенным на берегах Балтийского моря. По мнению автора, результатом развития указанных процессов является тенденция регионализации, которую он понимает как процесс формирования региональных интеграционных группировок, предполагающий тесное политическое, экономическое и культурное взаимодействие соседних стран. В этом контексте Р. Симонян анализирует развитие регионализма в Западной Европе и приходит к выводу, что «было бы естественным рассматривать и традиционные северные страны, и государства района Балтийского моря как взаимосвязанные составляющие единого региона». Автор в докладе обосновывает желательность возрождения Нового Ганзейского союза.

А. Н. Чеканский

Проблема многостороннего взаимодействия на Балтике и в регионе Северной Европы

О. Б. Александров

Окончание «холодной войны», сопровождавшееся усилением роли стран Европы в мировой политике, дало новый импульс региональным процессам на континенте. На этом фоне Северная Европа из благополучной европейской периферии становится одним из наиболее динамично развивающихся субрегионов мира. Чему способствуют не только тесные торговые связи между странами региона, но и уникальный опыт субрегионального сотрудничества, накопленный странами на протяжении последних десятилетий и охватывающий целый ряд перспективных направлений — унификацию региональных законодательных систем, проведение согласованной экономической политики, совместные социальные программы и проекты в сфере защиты окружающей среды, а также солидарное выступление стран на международной арене и доверительное сотрудничество между государствами по вопросам внутренней и внешней безопасности.

Изменение геополитической ситуации в регионе подарило государствам ощущение новых возможностей, но одновременно стало для них источником потенциальных угроз. Проанализировать логику перемен и выработать новые подходы для борьбы с вызовами времени был призван многосторонний политический диалог. Его рабочими механизмами стали созданные на Севере Европы новые субрегиональные структуры — Совет государств Балтийского моря, Совет Баренцева Евро-Арктического региона, а также Арктический Совет. Уже их расширенный состав свидетельствовал о том, что традиционные региональные игроки — страны «северного сотрудничества» (Швеция, Финляндия, Норвегия, Исландия и Дания) утрачивают монополию на обсуждение и решение основного комплекса проблем региона, да и территориальные рамки региона трактуются все более расширительно.

Последнее обстоятельство позволяет говорить о том, что главной особенностью современной ситуации на Балтике и в регионе Северной Европы становится многосторонний, комплексный характер взаимодействия, и это предполагает активную роль

государств региона и третьих стран, усиление роли европейских и евроатлантических структур, а также подключение к процессу принятия решений субрегиональных институтов, в рамках которых свои голоса имеют представители внутригосударственных регионов стран-участниц.

По сути дела, именно завершение «холодной войны» в Европе дало старт оформлению Балтийского региона как новой геополитической реальности. В начале 1990-х годов в процесс регионального сотрудничества на Балтике активно включились страны Балтии, Польша, Германия, а также Россия. Вместе с тем географическое положение этих государств, равно как и вектор их внешнеполитических интересов способствовали их сближению со странами Северной Европы. Для государств Балтии, осуществлявших непростой переход к рыночной экономике, весьма привлекательна была экономическая модель, характерная для большинства стран Северной Европы, прежде всего Швеции. Швеция является ведущим государством Северной Европы, однако ее влияние возросло и в Балтийском регионе. Занимая ведущие позиции среди европейских государств по показателям уровня жизни населения, степени его социальной защищенности, Швеции принадлежит лидерство в ряде отраслей промышленности, а также в сфере высоких технологий.

Наконец, Швеция известна как государство, реализовавшее на практике систему солидарных отношений между властью и обществом, известную как модель «государства всеобщего благосостояния», а также со времен премьер-министра Улофа Пальме занимающее активную внешнеполитическую позицию в решении глобальных вопросов, в диалоге со странами третьего мира и т.д.

Серьезно изменилась и роль России в Балтийском регионе. Потеряв на Западе значительные территории, которые до 1914 года входили в состав Российской империи, а затем в состав Советского Союза, Россия фактически вернулась на Балтике к допетровским временам. Активными игроками в регионе стали страны Балтии, получившие независимость в 1991 году. Однако, несмотря на географическое соседство и схожие внешнеполитические предпочтения, Литва, Латвия и Эстония далеки от того, чтобы и дальше сохранять внутреннее единство и выступать единым внешнеполитическим фронтом. Все более проявляет себя тенденция на расхождение интересов стран Балтии, при этом внешняя политика Эстонии в большей степени ориентирована на Скандинавские страны и Финляндию, в то время как Латвия и Литва достигли высокой степени политического и экономического взаимодействия с Германией и Польшей.

На этом фоне обращает на себя внимание настрой стран Северной Европы на активное взаимодействие на Балтике в расширенном составе. Это позволяет им преодолеть свой «провинциальный» статус времен раздела мира на два лагеря, вернуть себе утраченные ранее позиции в Балтийском регионе, обозначить свое понимание северной проблематики в диалоге с Брюсселем. На сближение позиций сторон работает и процесс расширения Европейского Союза. Брюссель стал приоритетным направлением политики не только для Стокгольма и Хельсинки, но и для Таллинна, Вильнюса, Риги и Варшавы.

Период адаптации региона Северной Европы и Балтийского региона к реалиям постбиополярного мира был непростым и занял как минимум всю первую половину 1990-х годов. В его ходе был подтвержден нейтральный статус Швеции и Финляндии, а их вступление в Европейский Союз ознаменовало их приверженность моноцентрич-

ной модели Европы. Россия радикально сократила свое военное присутствие в Балтийском регионе, выведя свои войска из Польши и стран Балтии к концу 1993 года, а также радикально уменьшила их присутствие в Калининградской области. Польша и страны Балтии взяли курс на интеграцию в европейские и евроатлантические структуры. Тем самым не оправдались пожелания России, направленные на построение в регионе внеблоковой кооперативной модели безопасности, которая могла бы опираться как на общеевропейские структуры (СБСЕ/ОБСЕ), так и на действующие субрегиональные организации.

Однако логика событий показала иллюзорность представлений России о новом европейском порядке. Созданные в регионе субрегиональные форумы не только не претендовали на решение крупных политических проблем, но и устранились от решения ряда важных для России вопросов, связанных с гуманитарной проблематикой (проблема нарушения права русского населения в странах Балтии) и трансграничным сотрудничеством (проблема транзита российских граждан в Калининградскую область и обратно через территорию Литвы и Польши). Попытки России в 1996–1997 годах предоставить гарантии безопасности странам Балтии и отговорить их от вступления в Североатлантический альянс также оказались безрезультатными, равно как и попытки Москвы через посредничество североευропейских стран повлиять на ситуацию с правами русского и русскоязычного населения в Латвии и Эстонии.

На протяжении 1990-х годов в регионе Северной Европы процессы интеграции, представленные механизмами так называемого «северного сотрудничества», объединяющего страны Северной Европы, сосуществовали с набиравшим ход процессом регионализации, который был характерен для стран Балтийского бассейна. Через механизмы регионального сотрудничества получили развитие совместные программы стран Балтийского региона в сфере образования, здравоохранения, охраны окружающей среды. В 1997 году общими усилиями региональных руководителей Хельсинки, Стокгольма, Таллинна, Риги и Санкт-Петербурга была создана программа регионального развития *Балтийская палитра*, которая была представлена в виде заявки на рассмотрение Европейской комиссии. В том же году вступило в силу Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Россией и Европейским Союзом, что позволило Москве впоследствии с оптимизмом оценивать как сам процесс расширения ЕС на восток, так и двусторонние аспекты отношений с Брюсселем в контексте данного региона.

Создание Совета Баренцева/Евроарктического региона в 1993 году в составе России, Дании, Исландии, Норвегии, Финляндии, Швеции и при участии Комиссии Европейских Сообществ еще в большей степени способствовало развитию многостороннего сотрудничества на Севере Европы. По сути, новая структура стала мостиком, соединяющим страны «северного сотрудничества» и Россию в лице ряда ее северо-западных территорий. Как и в рамках «северного сотрудничества», многостороннее взаимодействие в СБЕР осуществляется как на межгосударственном уровне, так и на уровне провинций.

На протяжении 1990-х годов балтийский вектор внешней политики стран Северной Европы дополнялся и уравнивался евроарктическим вектором, а Россия была признана в качестве полноценной арктической державы и по целому ряду направлений включена в существующий на Севере Европы формат сотрудничества. С точки зрения

России, сотрудничество со странами Северной Европы и государствами Балтийского региона позволяло использовать потенциал регионов Северо-Запада в условиях продолжительного экономического спада, укреплять климат доверия в отношениях со странами Северной Европы и демонтировать здесь остатки «железного занавеса». Российская политика в Балтийском регионе, а также в Североевропейском регионе исходила из того, что доверительный многосторонний диалог позволит не только усилить российские позиции в этой части Европы, но и создать надежную преграду на пути расширения Североатлантического альянса за счет стран данного региона.

Вступление стран Северной Европы в европейские интеграционные структуры придало динамизм их политике как в собственном регионе, так и по отношению к соседним странам. Например, после своего вступления в Европейский Союз Швеция проводила активную политику, направленную на усиление безопасности Балтийского региона, поддержку стран Балтии в их интеграции в евроатлантические институты, а также развитие субрегионального сотрудничества на севере Европы. Именно такая последовательность приоритетов была характерна для внешней политики Швеции после ее вступления в ЕС.

В рамках Европейского Союза Швеция примыкает к тем государствам, которые видят в ЕС прежде всего дееспособную интеграционную группировку, а не политический союз. Шведское видение Европейского Союза гораздо ближе к федералистской модели, чем представления о ЕС других стран-членов, прежде всего Франции и Германии, которые ратуют за укрепление политической составляющей Евросоюза, усиление роли его наднациональных органов. Исходя из этого, можно предположить, что политический вес Брюсселя будет использоваться Стокгольмом в той степени, в которой это отвечает интересам последнего и не лишает его свободы маневра. Маловероятно, что Швеция и другие страны Северной Европы добровольно передадут Брюсселю политические рычаги управления регионом.

Финляндия, предложив в 1997 году концепцию «Северного измерения» в политике ЕС, спровоцировала дальнейшую интеллектуальную дискуссию на тему изменившейся геополитической ситуации на Севере Европы. Дискуссия была подхвачена и переросла в официальную концепцию Европейского Союза, который проявил неподдельный интерес к этому региону мира как к сфере своих перспективных интересов. Россия как основной партнер ЕС на этапе расширения еще теснее была привлечена к многосторонним формам субрегионального сотрудничества.

Их лейтмотивом стало стремление Хельсинки как инициатора нового взгляда на регион способствовать упрочению демократии в России в условиях окончания «холодной войны», а также всемерно укреплять связи с Россией как одним из главных поставщиков энергоресурсов на европейский рынок. Тем самым рамки «Северного измерения» оказались гораздо шире традиционных границ Северной Европы и включили в себя территории и морские пространства от границ Гренландии на Западе до Карского моря на востоке, в том числе обширные территории российского Северо-Запада. Отношение России к инициативе «Северного измерения» на первом этапе ее существования эволюционировало от восторженно-оптимистического до сдержанно-прагматического.

Дело в том, что ни по масштабу совместных проектов, ни по политической значимости «Северное измерение» не соответствовало российским амбициям конца

1990-х — начала 2000-х годов. Отдавая должное позитивным сторонам инициативы, которые нашли отражение в первом и втором Планах действий по «Северному измерению» (соответственно, 2000–2004 и 2004–2006 гг.), Москва констатировала, что «Северное измерение» продолжает оставаться в значительной степени виртуальной политической конструкцией, несущей прежде всего экологическую нагрузку. Доля ответственности за это ложится и на саму Россию, которая долгое время шла в арьергарде региональных процессов, не проявляя инициативы и молчаливо соглашаясь с закреплением за Москвой роли энергетического спонсора региона.

Принятие на хельсинкском саммите 2006 года решения о запуске «обновленно-го» «Северного измерения» заставило Москву пересмотреть скептические оценки данного регионального проекта. Москве импонировал перевод «Северного измерения» в формат многостороннего проекта, в котором и Евросоюз, и Россия, а также страны-партнеры (Исландия и Норвегия) обладали бы равным статусом. Это, безусловно, не означает равенства возможностей сторон, однако символизирует отход от прежнего подхода, при котором «Северное измерение» становилось заложником взлетов и падений в отношениях Москвы и Брюсселя. В пользу данного сценария говорит и решение положить в основу обновленного «Северного измерения» идею четырех общих пространств. Несмотря на все ее недостатки, она обеспечивает всем участникам «свободу рук» для наполнения конкретным содержанием подписанных рамочных соглашений.

Веянием времени является появление северного вектора в политике многих заинтересованных государств и объединений — Евросоюза, США, России, Канады, Исландии и Норвегии. Это также создает элемент новизны и неопределенности относительно будущей модели развития данного региона. С точки зрения традиционного подхода к оценке роли региона в экономических и политических процессах, это не может не вызывать опасения за сохранение существующих позитивных наработок в Северной Европе регионе в условиях конкуренции политики ведущих игроков, прежде всего США, Евросоюза и России. Однако позитивный эффект от такого развития событий тоже очевиден: в условиях глобализации международных отношений региону было бы сложно сохранить преимущество прежней модели межгосударственных отношений.

Расширение ЕС и НАТО также наложило отпечаток на динамику и характер политической реконструкции региона. Именно Брюссель и Вашингтон становятся новыми центрами принятия решения в отношении данного региона, а формальное вступление в Североатлантический альянс Финляндии и Швеции, по мнению большинства аналитиков, является лишь вопросом времени и политической воли правящих элит данных стран. Тем самым все страны региона, за исключением России, в значительной степени интегрированы в европейские и евроатлантические структуры. Одновременно возрастает роль Североатлантического альянса в обеспечении безопасности региона Северной Европы. Все это непосредственно затрагивает перспективы взаимодействия партнеров по обновленному «Северному измерению». Возникает вопрос, каким образом Россия может участвовать в процессе создания пространства «внешней безопасности» в условиях отрицательного отношения к роли НАТО в Европе, а также в условиях обостряющегося спора об арктических ресурсах.

Если проецировать нынешнюю динамику регионального развития на среднесрочную перспективу, то обнаруживается, что новая ситуация содержит в себе ряд новых

возможностей и новых вызовов для государств Северной Европы и стран Балтийского региона. Новые возможности подобной расширительной трактовки европейского Севера связаны прежде всего с перспективами достижения прогресса в ходе региональной интеграции, ее выхода на новые рубежи — как в пространственном, так и в содержательном плане. Новые вызовы, помимо прочего, состоят в том, что регион Северной Европы становится сферой приложения интересов различных держав.

Взгляд в будущее данного региона зависит от того, какую теоретическую модель мы берем в качестве инструмента анализа. С точки зрения реалистической парадигмы, ситуацию в регионе можно рассматривать под углом зрения борьбы государств за сферы влияния, создания новых организаций и экспансии военно-политических блоков. С точки зрения конструктивистских подходов, можно представлять Северную Европу как интегральную часть иных пространств, прежде всего Большой Европы, а Россию как более или менее связанного игрока в рамках данной парадигмы.

Данное обстоятельство налагает на исследователя дополнительные задачи. Это особенно касается различных сторон взаимодействия в сфере экономики и внешне-экономических связей. Например, экономические аспекты взаимодействия в рамках «Северного измерения» трудно анализировать без учета общего контекста взаимоотношений России и ЕС, включая проблему Калининградской области, вопросы создания четырех общих пространств в соответствии с решениями саммита Россия — ЕС 2003 года. В свою очередь, проблемы безопасности Балтийского региона также невозможно изучать исключительно в контексте территориальных границ «Северного измерения», поскольку региональный контекст безопасности в значительной степени формирует взаимодействие ключевых игроков — США, НАТО, ЕС, России, его неммыслимо представить без ряда стран, играющих собственную роль в данном процессе — Польши, Швеции, стран Балтии.

Представленная ниже таблица является попыткой автора методом экстраполяции предложить несколько вариантов развития событий на среднесрочную перспективу (8–15 лет). В ней дается оценка роли Северной Европы в контексте общеевропейского развития, а также представлен прогноз относительно будущей роли России применительно к данному региону.

Таблица 1. Вероятные сценарии для Североευропейского региона и для России

№	Европейская интеграция: взгляд из будущего	Роль Северной Европы	Роль России в рамках Североευропейского и Балтийского регионов
1.	Европа с сильным дееспособным центром (Брюссель)	В рамках данной модели Северная Европа играет роль периферии (semi-insider); процессы интеграции пре-валируют над процессами регионализации.	Россия играет роль внешнего партнера (outsider), с которым могут заключаться отдельные преференциальные соглашения (close-outsider)

№	Европейская интеграция: взгляд из будущего	Роль Северной Европы	Роль России в рамках Северо-европейского и Балтийского регионов
2.	Европа с сильными региональными центрами (Париж, Берлин, Лондон, Мадрид, Стокгольм, Варшава, Рим)	Северная Европа сохраняет свою специфику и развивается по собственной модели (semi-insider vs. semi-outsider); процессы регионализации преобладают над трендом европейской интеграции.	Россия выступает как внешний партнер, который играет существенную роль в региональных проектах (semi-outsider)
3.	Конкуренция измерений в условиях слабого европейского ядра.	Слияние Северо-Европейского и Балтийского регионов; консолидация стран региона на основе «северных ценностей»; формирование Балтийского союза, который занимается вопросами интеграции и безопасности.	Россия как внешний партнер Балтийского союза; кросс-полярное сотрудничество России и Канады как альтернатива «Северному измерению»
4.	Европа как зона конфликта и противостояния.	Северная Европа расколота по вопросу об арктических ресурсах. Формирование военно-политических союзов для защиты экономических интересов; милитаризация региона, резкое ослабление тенденций регионализации.	Возможное участие России в вооруженных конфликтах по поводу арктического шельфа.

Одним из наиболее дискутируемых вопросов как на Западе, так и в самой России является вопрос о месте и роли России в регионе Северной Европы, а также в Балтийском регионе. Можно констатировать, что разброс оценок зависит от того, какой формат отношений служит отправным пунктом для анализа. Очевидно, что «Северное измерение» в его модернизированном дизайне предоставляет России наиболее тесные, партнерские условия отношений со странами Северной Европы и Балтийского региона, гарантирует ей равный статус с другими участниками.

С другой стороны, Россия, несмотря на статус северной державы и партнерство в рамках обновленного «Северного измерения», применительно к Северной Европе

остается по большей части нерегиональным игроком, поскольку слабо взаимодействует с ЕС и НАТО, курирующими ход экономических и военно-политических процессов в регионе. Положение нерегионального актора предоставляет России ряд преимуществ, главным из которых является свобода рук, возможность проведения гибкой многовекторной политики, а также перспектива заключения союзов и альянсов с другими заинтересованными акторами. Вместе с тем, данный статус налагает на нее и ряд ограничений.

Усилению позиций России в регионе могло бы способствовать создание региональной системы безопасности, например, Балтийского Союза, который мог бы сыграть роль прообраза новой, кооперативной системы безопасности в Европе. Противостоящей тенденцией являются планы Швеции и Финляндии на вступление в НАТО, которые активно поддерживаются Вашингтоном. Так, газета «Вашингтон пост» в свете ухудшения отношений между Россией и США в связи с событиями в Южной Осетии выступила за интенсификацию диалога между НАТО и Финляндией. По мнению издания, Финляндия, а вслед за ней и Швеция готовы стать новыми членами НАТО¹.

Как известно, шведская сторона активно поддержала США и солидаризировалась с ними в оценках событий в Грузии и Осетии, а председатель Комитета министров Совета Европы Карл Бильдт выступил с осуждением решения России о признании независимости Абхазии и Южной Осетии. Ранее отношения между Россией и Швецией охладили отказ Стокгольма выдать Москве ряд лиц, подозреваемых в террористической деятельности на территории Российской Федерации.

Определенную сложность для политики Москвы на североευропейском и балтийском направлении создает и необходимость, продвигая свои интересы, действовать в одиночку, без поддержки стран региона. Например, российско-германское соглашение о строительстве Североευропейского газопровода по дну Балтийского моря, подписанное между российской компанией «Газпром» и германскими компаниями «Е.ОН Рургаз», было жестко раскритиковано странами Балтийского региона — Польшей, Швецией, Латвией, Литвой и Эстонией. По мнению шведских экспертов, данный проект, решая задачи диверсификации поставок энергоносителей на европейский рынок, угрожает региональной стабильности на Балтике, вносит разногласие в ряды европейцев, усиливает позиции «авторитарной» России и снижает возможности стран Балтии участвовать в обеспечении безопасности региона «Северного измерения»². Ранее России в одиночку в рамках СГБМ приходилось отстаивать целесообразность строительства новых портовых мощностей на побережье Балтийского моря, а также дискутировать со странами-кандидатами на вступление в ЕС о возможных путях решения проблемы транзита в Калининградский регион.

Сложности дипломатического маневрирования России в североευропейском регионе дали о себе знать и в процессе выстраивания новой арктической политики России, которая затронула интересы других арктических государств, а также партнеров России по «Северному измерению». Старт арктической политики России как нового и чрезвычайно перспективного направления внешней политики России был

¹ Jim Hoagland. A Baltic Response to the Bear. //The Washington Post. — 2008. — September, 14th.

² Robert L. Larsson. Nord Stream, Sweden and Baltic Sea Security. // FOI Base Data Report, 2007.

положен в ходе экспедиции Арктика-2007. В ее ходе решалась амбициозная задача — доказать, что арктические хребты Ломоносова и Менделеева являются частью шельфа Евразийского материка. В таком случае Россия смогла бы поставить вопрос перед экспертами ООН о распространении ее влияния на треугольник Мурманск — Чукотка — Северный полюс с колоссальными запасами нефти и природного газа, содержащимися в подводном грунте на этой территории³.

Страны Запада крайне болезненно отреагировали на активизацию арктической политики России. В марте 2008 года в докладе Верховного представителя Европейского Союза по вопросам общей внешней политики и политики безопасности Хавьера Соланы говорилось, что европейским странам следует готовиться к конфликтам с Россией из-за энергоресурсов Арктики⁴. Некоторое время спустя командование береговой охраны США выступило с заявлением, согласно которому договор об управлении этим экономически и стратегически важным регионом необходимо заключить между двумя странами — США и Канадой.

На заседании Совета Безопасности РФ в сентябре 2008 года президент России Дмитрий Медведев поставил задачу превратить Арктику в ресурсную базу России и в кратчайшие сроки закрепить за страной границы континентального шельфа. На этом же заседании были утверждены *Основы государственной политики России в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу*, а также заявлено о намерении России в 2009 году подать в ООН заявку на увеличение своего континентального шельфа.

Однако закрепление претензий России в отношении данных территорий, по всей вероятности, может не только повлечь за собой обострение двусторонних отношений, но и привести к пересмотру ряда проектов, которые реализуются в рамках СБЕР. К примеру, идея совместного освоения Северного морского пути, закрепленная в документах данного субрегионального форума, чревата потерей части суверенитета России над этим транспортным маршрутом. Речь прежде всего идет о возможности Москвы законодательно регулировать режим судоходства в Арктике в российской зоне интересов, а также в непосредственной близости от российских государственных границ.

Очевидно, что интересам России не отвечает интернационализация районов Арктики, расположенных за пределами 200-мильной зоны к северу от российских границ. В этом контексте весьма неоднозначно можно расценивать ратификацию Россией Конвенции ООН по морскому праву в 1997 году, и в еще большей степени ее использование для международно-правового регулирования действий государств в отношении арктических территорий, в частности для определения границ национальных арктических секторов. На этом фоне полезным представляется изучение канадского опыта закрепления за страной арктического сектора, который был осуществлен на основе национального законодательства. Очевидно, что канадский опыт

³ Россия застолбит Арктику // Взгляд. — 2008, 17 сентября (<http://www.vz.ru/society/2008/9/17/208952.html>). По оценочным данным, на дне Ледовитого океана содержатся не менее 10 млрд. тонн нефти и газа, а сама Арктика обеспечивает около 11 процентов национального дохода России и 22 процента объема общероссийского экспорта; в регионе добывается около 90 процентов никеля и кобальта, 60 процентов меди, 96 процентов платиноидов, 100 процентов барита и апатитового концентрата.

⁴ Climate change may spark conflict with Russia, EU told// Guardian. — March 10th, 2008 (<http://www.guardian.co.uk/world/2008/mar/10/eu.climatechange>).

носит характер прецедента и может быть использован российскими властями для действий аналогичного характера⁵.

Между тем российская экспедиция 2007 года произвела сильный эффект на соседние полярные страны — США, Канаду, Норвегию и Данию, которые резко активизировали свою арктическую политику. В ответ на действия России правительство Канады сделало ряд резких заявлений и приняло решение о размещении постоянного воинского контингента в Арктике. В его состав вошли около 100 военнослужащих, размещенных в поселке Йеллоунайф на севере страны. По заявлению министра обороны Канады Питера Маккея, зона ответственности этого подразделения будет протяженной, и входящие в его состав военнослужащие будут тесно взаимодействовать с подразделениями канадских арктических рейнджеров.

Данное заявление было сделано по окончании крупных военных учений в канадской Арктике «Нанук-2008», в которых приняли участие 500 военнослужащих, несколько кораблей канадских ВМС и несколько самолетов. Кроме этого, Канада заявила о создании двух военных баз в Заполярье. По примеру Канады служба береговой охраны США провела специальные учения у берегов Аляски, которые включали в себя поисково-спасательные операции, а также охрану газовых и нефтяных объектов, а также анонсировала планы строительства новых полярных ледоколов.

В свою очередь, российский генерал Владимир Шаманов подтвердил готовность вооруженных сил страны обеспечить защиту той части арктического шельфа, на которую претендует Россия (примерно 1,2 млн. кв. км Арктики). Для выполнения этой задачи в северных и арктических регионах готовятся части и соединения Ленинградского, Сибирского и Дальневосточного военных округов, а патрулирование арктических пространств России будет осуществляться двумя стратегическими ракетоносцами Ту-95.

Тем временем весной 2008 года в гренландском городе Илулиссате прошла первая международная конференция пяти государств Северного Ледовитого океана, посвященная проблемам Арктики. Ее участниками стали министры иностранных дел России, Канады, Дании, Норвегии и США. В итоговой декларации встречи констатировалось, что Арктика оказалась на пороге серьезных перемен, а климатические изменения и таяние льдов могут повлиять на хрупкую экосистему региона, на жизнь коренного населения, а также на перспективы добычи природных ресурсов. Исходя из этого понимания ситуации, было предложено направить усилия полярных государств на решение возникающих проблем. Среди участников конференции наиболее жесткая позиция была занята представителями США, которые не исключили возможности возникновения международного конфликта вследствие отсутствия четких границ и при наличии ценных ресурсов Арктического бассейна.

В данной ситуации Вашингтон, который не присоединился к Конвенции ООН по морскому праву и не представлен в соответствующих комиссиях ООН, выступает за международное соглашение, которое бы урегулировало весь комплекс проблем Арктики. Со своей стороны, Россия предпочитает продвигать свои интересы через структуры ООН, уповая на весомую доказательную базу, собранную в ходе экспеди-

⁵ Буник Иван Владимирович. Международно-правовые основания регулирования Россией судоходства по Северному морскому пути. Автореферат диссертации // Москва: МГИМО (У), 2007.

ции 2007 года. Однако сложность ситуации состоит в том, что в соответствующих структурах ООН сильны позиции Дании и Норвегии, ее потенциальных соперников в регионе, которые при определенных условиях могут пойти на тесный союз с США и заключить с ними сепаратные соглашения по арктическим вопросам.

Таким образом, проблема многостороннего взаимодействия на Балтике, а также в североевропейском регионе представляется в настоящий момент задачей со многими неизвестными величинами. Тем не менее регион в среднесрочной перспективе располагает возможностями для стабильного развития на основе общих ценностей, развитой социальной экономики и накопленного опыта сотрудничества на многосторонней основе. Однако можно прогнозировать дальнейшую интернационализацию данного региона, что может привести как к усилению позиций Северной Европы и Балтии в общеевропейском контексте, так и к обострению противоречий между ведущими державами региона, а также странами, проводящими в отношении него активную внешнюю политику.

«Северное сотрудничество», «Северное измерение» и Россия

Л. С. Воронков

Страны Северной Европы по уровню и глубине развития интеграционных связей заметно превосходят имеющиеся в мире межгосударственные интеграционные группировки, включая Европейский Союз (ЕС). Им удалось создать уникальную систему многосторонних связей во многих областях экономической, политической, социальной, научно-технической и культурной жизни, обозначаемую общим термином — «северное сотрудничество».

Нынешний уровень интеграционных связей между странами Северной Европы обусловил их глубокую взаимозависимость и способствовал созданию зоны благосостояния, стабильности и мира на их территориях. Они входят в лидирующую группу высокоразвитых стран по многим показателям качества жизни и развития человеческого потенциала, состояния окружающей среды, конкурентоспособности национальных экономик, а также по объемам официальной помощи развитию. Хотя их места в мировом табеле о рангах могут год от года меняться, они неизменно остаются по этим показателям в группе государств — мировых лидеров.

Фундамент этим достижениям был во многом заложен солидарными выступлениями северных стран по жизненно важным для их экономического и социального развития вопросам. Развитие интеграционных связей между ними позволяло решать каждой из стран региона широкий круг актуальных внутренних проблем, устранять базу для конфликтов между северными странами, помогать успешно отстаивать их интересы на мировой арене, наконец, давать им возможность быть услышанными в мировом многоголосии.

Предметом рассмотрения в настоящем докладе является политика стран Северной Европы в области создания зоны безопасности и стабильного развития на европейском Севере после окончания «холодной войны», расширения Европейского Союза, вступления в него Дании, Финляндии и Швеции и возрастания значения ресурсов прилегающих к региону районов Арктики, включая Баренцево море, для мировой

экономики. В этом контексте в докладе рассматривается значение для стран Северной Европы «северного сотрудничества» и практика их скоординированных усилий по обеспечению его сохранения и дальнейшего развития в меняющихся международных условиях.

«Северное сотрудничество» на различных этапах развития

Процесс развития «северного сотрудничества» в послевоенный период испытывал взлеты и падения, гибко подстраивался под меняющиеся международные условия, но неизменно развивался по нарастающей линии.

Задачи скорейшего послевоенного восстановления экономики и совместной защиты экономических интересов побуждали страны Северной Европы объединять свои ресурсы и изыскивать пути для экономического сближения. Еще в 1940-х годах они впервые за послевоенный период обсуждали идею создания таможенного союза, однако из-за возникших противоречий она не была реализована. Весной 1948 года по инициативе Швеции были начаты переговоры между шведскими, норвежскими и датскими представителями о заключении оборонительного союза, однако и эту инициативу не удалось воплотить в жизнь из-за разногласий по поводу его будущей ориентации.

Скандинавские страны считали возможным и полезным развивать экономические связи между государствами региона с использованием межправительственных механизмов сотрудничества до тех пор, пока не выявились различия в их послевоенных концепциях национальной безопасности. Был создан ряд совместных межправительственных органов по сотрудничеству в сфере экономики и законодательства. Однако дальнейший ход событий побудил их внести важные коррективы в организацию практического взаимодействия северных стран.

Дания, Исландия, Норвегия и Швеция в апреле 1948 года официально стали участниками «плана Маршалла» и вступили в Организацию европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС), созданную для его осуществления. В течение 1948 года были подписаны двусторонние соглашения «маршаллизованных» северных стран с США.

Американская помощь позволила им частично обновить основной капитал в промышленности и сельском хозяйстве, добиться относительной стабилизации национальных экономик. Участие в «плане Маршалла» способствовало восстановлению ранее существовавших между ними экономических связей. С 1950 года их торговля с другими западноевропейскими странами в рамках ОЕЭС стала освобождаться от количественных ограничений. Одновременно наблюдался рост взаимной торговли скандинавских стран в связи с тем, что уровень таможенных тарифов их европейских партнеров были выше. В том же 1950 году страны Северной Европы присоединились к Европейскому платежному союзу (ЕПС), что повлекло за собой обратимость в пределах ЕПС скандинавских валют. За 1948–1951 гг. стоимость экспорта каждой из скандинавских стран более чем удвоилась⁶.

Американская долларовая помощь в виде даров и займов помогла решить проблему валютного дефицита. С началом Корейской войны в июне 1950 года США в качестве

⁶ Вл. Прокофьев. Северная Европа и мир. ИМО, Москва, 1966, стр. 30; А. С. Кан «История скандинавских стран (Дания, Норвегия, Швеция). Издание второе, исправленное и дополненное. Москва, «Высшая школа», 1980, стр. 247.

дополнительного условия оказания помощи стали требовать от стран–получателей увеличения военных бюджетов. Швеция отказалась от американской помощи в 1951 году, Норвегия получала ее до 1952 года, а Дания — до 1953 года включительно. За время действия «плана Маршалла» Исландия получила от США 26 млн., Швеция — 118,5 млн., Норвегия — 247,4 млн. и Дания — 265,9 млн. долларов⁷.

Воздержавшаяся от присоединения к «плану Маршалла» Финляндия также получала кредиты из его фондов, а также займы Экспортно-импортного банка США, Международного банка реконструкции и развития (МБРР) и соседней Швеции. На долю США и Швеции приходилось 85% иностранных займов, полученных Финляндией к концу 1956 года⁸.

Выявившиеся различия в концепциях национальной безопасности стран Северной Европы создали некоторые политические трудности для межправительственного «северного сотрудничества», но не стали непреодолимым барьером на пути поступательного развития интеграционных связей между ними.

В сложившихся обстоятельствах задача содействия дальнейшему развитию взаимодействия между государствами региона была возложена на выборную общественную ассамблею, получившую название Северный Совет. Он был создан в 1952 году Данией, Исландией, Норвегией и Швецией. В 1955 году к нему присоединилась Финляндия. В начальный период «холодной войны» такой характер института сотрудничества между северными странами был близок к оптимальному

В начале 1950-х годов странам Северной Европы удалось договориться об облегчении поездок граждан из одной северной страны в другую, создать свободный рынок рабочей силы (Исландия присоединилась к нему в 1982 году, Фарерские острова — в 1992 году). В 1955 году северные страны заключили Конвенцию о социальной защите, гарантировавшую их гражданам одинаковые права и привилегии, а также вменившую им одни и те же обязанности в ряде вопросов. Подобные проблемы стали в повестку дня более широкой европейской интеграции значительно позже.

Накануне вступления в Европейскую Ассоциацию Свободной Торговли (ЕАСТ) перед странами Северной Европы встал вопрос о долгосрочных приоритетах их политики. Исходя из очевидного факта, что солидарные выступления северных стран в деле обеспечения их согласованных интересов могут быть более результативными, чем усилия каждой из них в отдельности, они сделали стратегический выбор в пользу существенного наращивания потенциала «северного сотрудничества» в условиях их участия в ЕАСТ. Этот выбор был закреплен в Соглашении о сотрудничестве между Финляндией, Данией, Исландией, Норвегией и Швецией, которое было подписано на 10-й сессии Северного Совета в Хельсинки в 1962 году («Хельсинкском соглашении»).

С момента заключения этого основополагающего международного документа и вот уже в течение почти полувека страны Северной Европы предпринимают целенаправленные совместные усилия по наполнению жизнью его положений. Его содержание определяет основные цели, направления и формы взаимодействия стран Северной Европы до настоящего времени и дает основания считать значение

⁷ А. С. Кан «История скандинавских стран (Дания, Норвегия, Швеция). Издание второе, исправленное и дополненное. Москва, «Высшая школа», 1980, стр. 248.

⁸ Л. С. Воронков, Ю. П. Сениюков. Финляндия — наш северный сосед. Изд-во «Знание», М., 1977 г., стр. 18.

«северного сотрудничества» для каждой из них приоритетной перед другими формами их участия в международных интеграционных процессах и международной жизни.

Сделанный странами региона стратегический выбор принес богатые плоды. После взаимного снижения таможенных пошлин к 1967 году в ЕАСТ «северный рынок» промышленных товаров был фактически создан, но в рамках этой более широкой экономической группировки. Участие в ЕАСТ, которое страны Северной Европы сочетали с интенсификацией «северного сотрудничества», способствовало их быстрому экономическому росту. Индекс промышленного производства в 1965 году по сравнению с 1958 годом вырос в Дании на 70%, в Норвегии — на 52%, в Швеции — на 57%, в 1969 году — на 83%, 72% и 82% соответственно⁹.

Торговый оборот северных стран в годы участия в ЕАСТ заметно вырос, причем торговые обмены между самими северными странами росли опережающими темпами. Если за период с 1959 по 1967 гг. взаимная торговля стран ЕАСТ выросла на 129%, то торговля между северными странами увеличилась на 201%. Это стало убедительным свидетельством активизации процессов экономической интеграции между ними. В целом 56% внутренней торговли в рамках ЕАСТ приходилось на четыре североевропейских государства¹⁰.

Вместе с тем для стран Северной Европы растущее значение приобретали торговля — экономические связи со странами ЕЭС. Почти 75% датского экспорта приходилось на страны Западной Европы. Туда экспортировалось около 60% промышленной продукции Дании (40% падало на страны-члены ЕАСТ и примерно 20% — на страны ЕЭС) и 75% сельскохозяйственной продукции (около 45% шло в страны ЕАСТ и 30% — в страны ЕЭС). Доля стран ЕЭС в экспорте норвежской продукции горнодобывающей промышленности составляла 88%, железорудной и металлообрабатывающей индустрии — 82%, электрохимической промышленности — 74%, деревообрабатывающей промышленности — 67% и рыбной отрасли — 58%¹¹.

В целом в 1960-е годы на Западную Европу приходилось более 75% товарного экспорта скандинавских государств¹². Они настойчиво искали пути к развитию торгово-экономических связей с ЕЭС, имея в виду, что экономическое сотрудничество между северными странами не может расширяться в отрыве от общеевропейского решения проблем рынков¹³. После двойного французского вето на присоединение Великобритании к ЕЭС в 1960-х годах Дания, Норвегия и Швеция предприняли самостоятельные усилия по преодолению раскола Западной Европы на экономические группировки.

⁹ А. С. Кан «История скандинавских стран (Дания, Норвегия, Швеция). «Высшая школа», Москва, 1971, стр. 302; А. С. Кан «История скандинавских стран (Дания, Норвегия, Швеция). Издание второе, исправленное и дополненное. Москва, «Высшая школа», 1980, стр. 270.

¹⁰ Ю. И. Голошубов. Скандинавия и проблемы послевоенной Европы. Издательство «Мысль», Москва, 1974, стр. 222. См. также: Ю. В. Васильев. Внешняя политика стран Северной Европы. Учебное пособие. МГИМО, Москва, 1979, стр. 51–52.

¹¹ Вл. Прокофьев, Северная Европа и мир. ИМО, Москва, 1966, стр. 118.

¹² Ю. И. Голошубов. Скандинавия и проблемы послевоенной Европы. Издательство «Мысль», Москва, 1974, стр. 227.

¹³ Там же, стр. 224.

Сложившаяся ситуация одновременно побуждала их искать пути дальнейшей интенсификации экономического сотрудничества внутри региона ради укрепления позиций северных стран в будущих переговорах с ЕЭС. Укрепление «северного сотрудничества» должно было облегчить решение этой задачи. В этой связи они вновь поставили вопрос о заключении между ними таможенного союза. На 17-й сессии Северного совета в марте 1969 года в Стокгольме они приступили к обсуждению «плана Нордэк», который предусматривал выработку северными странами единой политики в области промышленности, сельского хозяйства, рыболовства и торговли. План был нацелен, в частности, на то, чтобы в максимальной мере приблизить таможенные тарифы в рамках «Нордэка» к действовавшим таможенным тарифам ЕЭС.

К лету 1969 года представителям Дании, Норвегии, Финляндии и Швеции удалось достичь договоренностей о либерализации движения капиталов между членами будущего «Нордэка», о торговой политике в отношении третьих стран, о судоходстве, правилах конкуренции, экономической политике, унификации экономического, финансового и социального законодательства, о сотрудничестве в сфере научных исследований и подготовке специалистов.

Участники переговоров подчеркивали необходимость совместных выступлений северных стран в международных организациях, на переговорах об уровне таможенного обложения, согласования их политики в отношении к европейской интеграции. Планировалось создать четыре координационных органа для финансирования отдельных областей сотрудничества: северный инвестиционный банк, общий фонд, сельскохозяйственный фонд и фонд по рыболовству.

Предполагалось, что главным органом «Нордэка» будет Совет министров, в котором каждая страна могла быть представлена членом правительства. Решения в нем должны были приниматься консенсусом. В помощь Совету министров планировалось создать комитет чиновников на уровне статс-секретарей. Главным исполнительным органом «Нордэка» должен был стать Секретариат из четырех директоров-секретарей, независимых от национальных правительств.

Планировалось закончить разработку текста Соглашения о создании северного экономического сообщества к 7 марта 1970 года с тем, чтобы оно вступило в силу 1 января 1971 года. Иными словами, остававшиеся разногласия на пути принятия плана «Нордэк» виделись вполне преодолимыми.

Однако в марте 1970 года правительство Финляндии решило воздержаться от подписания соглашения в связи с тем, что, по словам Президента Финляндии У.К. Кекконена, подписание соглашения о «Нордэке» могло поставить под угрозу политику финского нейтралитета¹⁴. Имея в виду решимость Дании и Норвегии стать членами ЕЭС, другие северные страны опасались вступать с ними в формальный экономический союз, который мог привести к распространению правил и законов ЕЭС на них через механизмы «северного сотрудничества». Им хотелось избежать такой перспективы.

К началу 1970-х годов прежние опасения того, что создание межправительственных органов сотрудничества северных стран может нанести ущерб внешнеполитическим

¹⁴ Цит. по: Ю. В. Васильев. Внешняя политика стран Северной Европы. Учебное пособие. МГИМО, Москва, 1979, стр. 55.

концепциям нейтралов, стали менее драматичными. Швеция и Финляндия не дали поводов усомниться в неизбежности их концепций национальной безопасности.

19-я сессия Северного Совета, состоявшаяся в феврале 1971 года, рекомендовала создать новый межправительственный орган «северного сотрудничества» — Северный Совет Министров (ССМ). Тем самым вводились элементы правительственного контроля за механизмами осуществления этого сотрудничества с тем, чтобы они не привели к ползучему распространению обязательств членов ЕЭС на те северные страны, которые решили остаться вне рамок этой интеграционной группировки. Планировалось превратить ССМ в центр осуществления региональной политики, координации отношений северных стран с ЕЭС, Советом Европы и странами Восточной Европы. Одновременно было решено закрепить договоренности, касавшиеся ССМ, в «Хельсинкском соглашении».

В январе 1972 года представители Дании и Норвегии (совместно с Великобританией и Ирландией) подписали в Брюсселе договор, открывший им путь для вступления в ЕЭС. Однако полным членом Сообщества стала только Дания. Исландия, Норвегия, Финляндия и Швеция подписали с ЕЭС соглашения о создании «зон свободной торговли» промышленными товарами.

На начальном этапе северным странам удавалось достаточно гармонично сочетать полномасштабное участие в «северном сотрудничестве» с датским членством в ЕЭС. Координирующую роль в процессе принятия решений по вопросам участия Дании в ЕС выполняло Министерство иностранных дел страны. Активную роль в этой области играли датские парламентарии. Именно в этих условиях многие принципиальные идеи «плана Нордэк» были реализованы на практике.

Дания принимала участие в процессе принятия решений в рамках ЕС, оказывая влияние на их содержание, и одновременно сохраняла полный контроль за методами и масштабами выполнения директив ЕС внутри страны. Её участие в процессах западноевропейской интеграции не побуждало принимать решения, идущие в разрез «северному сотрудничеству» и по той причине, что глубина этих процессов заметно уступала достижениям северо европейской интеграции.

Завершение в декабре 1991 года переговоров об учреждении Европейского Союза и поэтапном создании не позднее 1999 года Экономического и Валютного Союза (ЭВС) в рамках ЕС поставили Данию перед серьезным выбором, а ее партнеров по «северному сотрудничеству» — перед крупной проблемой. Становилось очевидным, что полномасштабное участие Дании в ЭВС способно нанести серьезный ущерб «северному сотрудничеству». Скажем, обязательство Дании участвовать в правовом взаимодействии со странами-членами ЕС могло привести к постепенному выпадению ее из системы взаимодействия северных стран в области законодательства.

Вопрос об отношении Дании к Маастрихтскому договору в результате был вынесен в 1992 году на всенародный референдум, который дал перевес противникам присоединения Дании к договору. В соответствии с достигнутым 22 октября 1992 года ведущими политическими силами Дании «Национальным компромиссом» ее присоединение к Маастрихтскому договору допускалось при соблюдении определенных условий.

Версия договора, учитывающего эти условия Дании, была одобрена саммитом ЕС в Эдинбурге 12 декабря 1992 года и поддержана национальным датским референдумом 18 мая 1993 года. Таким образом, Дания присоединилась к ЕС с четырьмя оговорками,

касавшимися общеевропейского гражданства, введения единой валюты, военного сотрудничества и сотрудничества в области юстиции и внутренних дел. Дания решила привязать курс датской кроны к евро, обязавшись не отклоняться от него более чем на 2,25%. Датский национальный банк согласился учитывать процентные ставки, устанавливаемые Европейским Центральным Банком, и участвовать в европейской кредитно-денежной системе. Дания также обязалась не препятствовать развитию военного сотрудничества между странами-членами ЕС. Согласившись участвовать в сотрудничестве в области юстиции и внутренних дел в рамках ЕС, она решила делать это на национальной, а не на наднациональной основе.

Швеция подала заявку о приеме в ЕЭС в июле 1991 года, заявив о своем желании совместить будущее членство с политикой шведского нейтралитета. Она также хотела обеспечить себе особый статус в случае вступления в Сообщество. Швеция не желала участвовать в оборонных усилиях ЕС, добивалась права на развитие близких отношений с не входящими в ЕС северными странами. Шведы стремились сохранить свободу рук в экономической сфере, оговорить себе право присоединиться к валютному союзу в рамках ЕС тогда, когда Швеция сочтет это необходимым. Страна добивалась «адаптационной скидки» на взнос страны в общий бюджет ЕС с правом на вычет из него возвратных средств, получаемых в виде сельскохозяйственных и региональных субсидий.

Руководство страны отстаивало возможность сохранения жестких норм охраны окружающей среды в стране в ожидании того, что правила ЕС со временем будут приближены к действующим в Швеции. Страна требовала от ЕС гарантий на сохранение своего сельскохозяйственного производства на том же уровне, что при возможном вступлении в Союз, права контролировать ввоз отдельных видов сельскохозяйственной продукции. Она хотела сохранить государственную монополию на торговлю алкоголем. Был выдвинут и ряд других требований. Летом 1994 года договор между Швецией и государствами-членами ЕС, закрепивший особый статус страны в рамках Союза, был подписан¹⁵.

Обеспечив себе приемлемые условия для членства в ЕС, позволявшие Дании, Швеции и Финляндии сохранить достижения «северного сотрудничества» и создать предпосылки для его дальнейшего углубления, северные страны-члены ЕС озаботились задачей обеспечить распространение законодательства ЕС по вопросам единого рынка на остававшиеся вне рамок Европейского Союза северные страны-члены ЕАСТ — Исландию и Норвегию. Это могло послужить гарантией того, что участие северных стран в более широких процессах западноевропейской интеграции не будет происходить за счет «северного сотрудничества» и в ущерб ему.

1 января 1994 года, то есть до присоединения Швеции и Финляндии к ЕС в 1995 году, было заключено Соглашение о создании Европейского Экономического Пространства (ЕЭП), которое распространило законодательство ЕС по вопросам единого рынка на Исландию и Норвегию. В результате в сферах действия ЕЭП норвежцы и исландцы обрели те же права и те же обязанности, что и юридические и физические лица ЕС, включая Данию, Финляндию и Швецию. Исландия и Норвегия получили возможность участвовать в свободном перемещении товаров, услуг, капитала

¹⁵ Л. Н. Кулябина. Швеция в современном мире. Москва, «Научная книга», 2005, стр. 77–79.

и рабочей силы с другими странами-членами ЕС. Соглашение о ЕЭП предусматривает расширение сотрудничества Норвегии и Исландии со странами ЕС в области научных исследований, образования, защиты окружающей среды, функционирования малого и среднего бизнеса, гендерного равенства, защиты интересов потребителей, культуры, туризма. Все страны Северной Европы стали участниками Шенгенской зоны.

В связи с тем, что Исландия и Норвегия не являются участниками ЭВС ЕС, Дания и Швеция пока воздерживаются от вступления в него, оставляя открытой возможность присоединения в будущем. Положения Соглашения о ЕЭП не относятся к таможенному союзу ЕС и ведению торговли со странами, не являющимися членами Союза, не распространяют на Норвегию и Исландию правила его единой сельскохозяйственной политики, а также проводимые в ЕС меры по регулированию рыболовства. Тем не менее для Исландии и Норвегии предусмотрен облегченный доступ к свободному рынку морепродуктов, а также некоторые таможенные льготы.

Таким образом, все страны Северной Европы как члены ЕС, так и члены ЕАСТ, сумели не только сохранить режим трансграничного общения между собой, достигнутый в рамках «северного сотрудничества», но и создать предпосылки для его дальнейшего углубления. Несмотря на вступление Дании, Финляндии и Швеции в Европейский Союз и отказ от присоединения к нему Исландии и Норвегии, живая ткань субрегионального сотрудничества между всеми странами Северной Европы не только не была разрушена, но и продолжает укрепляться.

Созданный механизм координации участия государств региона в процессах европейской интеграции в рамках ЕС с интересами дальнейшего углубления и развития «северного сотрудничества» позволил северным странам — членам ЕС присоединиться к Амстердамскому Договору. Дальнейшее развитие эта тенденция получила в «Северном измерении» ЕС, одобренном странами-членами Европейского Союза по инициативе Финляндии.

Новые вызовы для стран региона после окончания «холодной войны»

В годы «холодной войны» применительно к ситуации на северной окраине Европы была разработана специальная теория «северного баланса», которому приписывалась основная заслуга в поддержании мира и стабильности в регионе¹⁶. Она исходила из того, что членство трех северных стран — Дании, Норвегии и Исландии в НАТО, сопровождавшееся оговорками в отношении размещения на их территориях в мирное время военных баз и ядерного оружия, политика традиционного нейтралитета Швеции и наличие у Финляндии договора с СССР о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи якобы позволяли поддерживать на Севере Европы некий баланс интересов двух супердержав — СССР и США, который и обеспечивал стабильность на Севере.

По окончании «холодной войны» Дания, Норвегия и Исландия продолжают оставаться членами НАТО. Швеция не делала заявлений, касающихся отказа от политики традиционного нейтралитета, хотя в ее внешнеполитическую практику вносятся существенные изменения. Советско-финляндский договор 1948 года прекратил су-

¹⁶ См. Erik Noreen. Den Nordiska balansen. Ett säkerhetspolitiskt begrepp i teori och praktik. Uppsala Universitet. Institutionen för freds- och konfliktforskning. Rapport Nr. 17, Mars 1982.

ществование, Наряду с Данией членами ЕС стали Финляндия и Швеция, соглашение с ЕС о создании ЕЭП подписано Исландией и Норвегией.

После распада Советского Союза геополитическая ситуация на северной окраине Европы претерпела качественные изменения. «Северного баланса» в его прежнем понимании более не существует. Тем не менее было бы явным преувеличением утверждать, что мир и безопасность в регионе оказались под серьезной угрозой.

С завершением «холодной войны» на смену военно-политическим в регионе пришли новые озабоченности. Благополучие и безопасность стран Северной Европы в возрастающей степени оказываются в зависимости от состояния окружающей среды, демографической ситуации, обеспеченности трудовыми ресурсами, доступа к природным ресурсам и их рационального использования, решения спорных вопросов делимитации шельфа, экономических и рыболовных зон и т.п. Одновременно в связи с наличием в арктических районах и на шельфе северных морей громадных запасов как углеводородных, так и иных ресурсов, в регионе аккумулируется весьма взрывоопасный конфликтный потенциал, заложенный в остающихся неурегулированными спорных вопросах.

Решение указанных комплексных проблем и устранение заложенного в них конфликтного потенциала вряд ли возможно без вовлечения всех государств, имеющих интересы на европейском Севере, в многостороннее и равноправное сотрудничество. Очевидно, в странах Северной Европы хорошо это понимают. Они оказались в числе наиболее заинтересованных государств в снижении конфликтного потенциала в непосредственно примыкающих к ним районах европейского Севера и в создании благоприятной обстановки для сотрудничества государств, имеющих в них серьезные интересы.

Стремясь способствовать созданию на европейском Севере обширной зоны стабильного, динамичного и устойчивого развития и обеспечению условий для дальнейшего устойчивого экономического и социального развития своих государств, страны Северной Европы приняли заинтересованное участие в учреждении в марте 1992 года Совета государств Балтийского моря (СГБМ), в январе 1993 года — Совета Баренцева/Евро-арктического региона (СБЕР), в октябре 1996 года — Арктического Совета (АС). Полнокроевое участие в их деятельности принимает и Российская Федерация.

Важно подчеркнуть, что государства европейского Севера в своем стремлении привлечь авторитет и ресурсы Европейского Союза для решения приоритетных для них задач в регионе не пытались заставить другие страны-члены ЕС солидаризироваться с их позициями. Они пошли по пути убеждения других стран-членов Европейского Союза в том, что решаемые ими задачи отвечают жизненно важным интересам всех государств ЕС.

Одним из элементов «пробуждения» интереса ЕС к проблемам европейского Севера стало приглашение его представителей принять участие в работе СБЕР и СГБМ в начале 1990-х годов. В результате Европейская Комиссия (ЕК) стала официальным членом обеих организаций, участником ряда проектов, осуществлявшихся в их рамках.

Вступление Швеции и Финляндии в ЕС продвинуло границы Союза далеко на Север, превратив «северную проблематику» в предмет его забот. В рамках субрегиональных объединений и через программы ТАСИС и ИНТЕРРЕГ ЕС стал оказывать поддержку проектам развития транспортной инфраструктуры европейского Севера,

способствуя, в частности, улучшению коммуникаций с северными и северо-западными областями России. Совместно со странами Северной Европы ЕС приступил к финансированию проектов по охране окружающей среды российского северо-запада.

Принятие Финляндии, Швеции, стран Балтии и Польши в Европейский Союз, а также вхождение Норвегии в Единое экономическое пространство привели к тому, что все страны, расположенные на берегах Балтийского моря, кроме России, стали членами ЕС. В этих условиях, с одной стороны, многие вопросы сотрудничества между балтийскими государствами-членами ЕС стали внутренним делом ЕС, с другой стороны, СГБМ стал приобретать функции международного института сотрудничества между странами ЕС, расположенными на берегах Балтийского моря, с Российской Федерацией. Партнеры России по балтийскому сотрудничеству получили возможность в рамках ЕС координировать и согласовывать свою политику на Балтике в целом и в отношениях с Россией на Балтике, в частности. В 1995 году членом СГБМ стала глубоко интегрированная в «северное сотрудничество» Исландия.

В состав созданного 11 января 1993 года Совета Баренцева/Евро-арктического региона (СБЕР) на правах постоянных членов вошли все пять государств Северной Европы, а также Россия и Европейская комиссия. Опасаясь, видимо, перспективы ведения переговоров по спорным вопросам в регионе с таким крупным и влиятельным игроком как Россия на двусторонней основе, отдельные малые страны европейского Севера стремятся интернационализировать процесс их разрешения, привлечь к решению спорных вопросов других крупных и влиятельных международных игроков, помимо Европейского Союза. Оформив свои отношения с ЕС, страны Северной Европы приняли участие в создании новой субрегиональной организации — Арктического Совета (АС), подписав 19 октября 1996 года совместно с представителями США, Канады и России его учредительную декларацию.

СГБМ, СБЕР и АС не являются классическими международными организациями. Они именуют себя форумами сотрудничества. В основу их деятельности положен принцип консенсуса. Этот принцип побуждает их участников оставлять в стороне существующие между ними разногласия и фокусировать добровольное сотрудничество на сферах, в которых ощущается высокая заинтересованность и взаимозависимость сторон. А это создает благоприятную среду для завязывания интеграционных связей, по мере развития которых складываются обширные сферы общих, совпадающих интересов.

Координация и гармонизация работы по осуществлению региональных программ субрегиональных организаций на европейском Севере преумножает интеграционный эффект их взаимодействия, создавая предпосылки для разрешения спорных вопросов в регионе в духе сотрудничества и взаимного учета законных интересов.

Современное состояние «Северного измерения»

Весной 1997 года премьер-министр Финляндии П. Липпонен выдвинул идею «Северного измерения» политики ЕС. Инициатива Финляндии по времени совпала с подготовкой к подписанию Амстердамского договора, в котором оговаривались механизмы осуществления общей внешней политики и политики безопасности стран-членов ЕС. Саммит ЕС в Люксембурге в декабре 1997 года принял решение начать подготовку его концепции.

Предложение разработать стратегию «Северного измерения» ЕС явилось, без сомнения, выражением согласованной линии всех стран Северной Европы. Они справедливо полагали, что усилий лишь северных стран для устранения почвы для конфликтов в прилегающих к Северной Европе районах и обеспечения мирного развития северной окраины Европы вряд ли достаточно.

В ноябре 1998 года Европейская Комиссия представила доклад, в котором задача обеспечения безопасности, стабильности и устойчивого развития европейского Севера была определена как приоритетная цель «Северного измерения», что в полной мере отвечало интересам северных стран. В нем высказывалась рекомендация провести обмен мнениями по этой концепции с Исландией, Норвегией, Латвией, Литвой, Польшей, Россией и Эстонией¹⁷. Доклад был одобрен в декабре 1998 года на саммите ЕС в Вене. Таким образом, были созданы условия для активного вовлечения ЕС и его институтов в достижение целей, являвшихся приоритетными для стран Северной Европы.

Совет министров иностранных дел ЕС в мае 1999 года на заседании в Люксембурге рассмотрел содержание концепции «Северного измерения», определил основные направления деятельности Союза в этой области и наметил пути ее практической реализации. Саммит ЕС в Кёльне в июне 1999 года одобрил подготовленный в Люксембурге документ и принял решение разработать План действий по реализации концепции «Северного измерения».

В ноябре 1999 года в Хельсинки состоялась конференция министров иностранных дел стран ЕС и государств-партнеров по «Северному измерению». На ней в качестве наблюдателей присутствовали представители Всемирного Банка (ВБ), Европейского Банка Реконструкции и Развития (ЕБРР), Европейского Инвестиционного Банка (ЕИБ) и Северного Инвестиционного Банка (СИБ), в качестве приглашенных гостей — послы США и Канады в Финляндии¹⁸. Министры высказались за регулярное проведение встреч представителей ЕС, его государств-членов и партнеров по «Северному измерению» с целью обсуждения хода реализации согласованных программ.

Саммит ЕС в португальском городе Фейра 19–20 июня 2000 года принял «План действий по «Северному измерению» внешней и трансграничной политике Европейского Союза», рассчитанный на 2000–2003 гг. Политика ЕС на европейском Севере превращалась в интегрированная часть его общего курса в области внешних сношений и трансграничных связей. Теперь проблемы, которые стремились решить государства Северной Европы на европейском Севере, стали предметом общей заботы стран-членов Европейского Союза. Основная ответственность за осуществление Плана оказалась возложенной на Европейскую Комиссию, а в числе его исполнителей оказались ранее созданные субрегиональные организации европейского Севера — СГБМ, СБРР и АС. В число партнеров по «Северному измерению» оказались вовлечены не только Россия, но и Норвегия и Исландия, активные участники «северного сотрудничества», а также страны-кандидаты в члены ЕС Латвия, Литва и Эстония.

На Второй конференции министров иностранных дел по «Северному измерению» в апреле 2001 года в Люксембурге было решено проводить ежегодные совещания по

¹⁷ Дерябин Ю. С. «Северное измерение» политики Европейского Союза и интересы России», Доклады института Европы. М., 2000, стр. 12, 71.

¹⁸ Там же, стр. 64.

этому измерению, раз в два года — заседания на министерском уровне, а в промежутках между совещаниями и заседаниями — встречи на уровне должностных лиц. На Третьей конференции по «Северному измерению» в Люксембурге 21 октября 2002 года было принято решение начать подготовку второго Плана действий по «Северному измерению» ЕС на 2004–2006 гг.

В плане предлагалось особое внимание уделить Калининградской области и арктическим районам. Условием успешной его реализации считалась привлечение к его исполнению не только ЕС, но и стран-партнеров, СГБМ, СБЕР, АС, ЕБРР, СИБ, Экологической финансовой корпорации североευропейских государств, Проектного фонда стран Северной Европы, предпринимательских структур, местных и региональных властей и организаций гражданского общества. Особая роль в мониторинге хода реализации Плана действий предписывалась Европейской Комиссии. 12 декабря 2003 года второй План действий по «Северному измерению» на 2004–2006 гг. был утвержден на заседании Европейского Совета.

Одобрение программы «Северного измерения» не сопровождалось созданием специальных органов ЕС, ответственных за её реализацию, и определением дополнительных источников её финансирования. Речь шла лишь о перераспределении средств программ ЕС ТАСИС, ФАРЕ, ИНТЕРРЕГ, САПАРД, ИСПА и о привлечении средств международных финансовых организаций. По выражению российского министра иностранных дел С. В. Лаврова, на том этапе программа «Северного измерения» представляла собой, «зонтик» под который искусственно подтягивались уже реализуемые в рамках других программ проекты¹⁹.

На встрече министров иностранных дел в Брюсселе 21 ноября 2005 года была согласована новая концепция «Северного измерения». Представители ЕС, России, Норвегии и Исландии подписали Политическую декларацию по политике «Северного измерения». Декларация в качестве общего правила признала принцип совместного финансирования «Северного измерения» всеми его партнерами с привлечением в случае необходимости средств из других источников, включая международные финансовые институты²⁰.

На встрече было принято решение выстраивать «Северное измерение» на качественно иной, постоянной основе. Министры исходили из того, что теперь оно должно быть преобразовано в общую политику Европейского Союза, России, Норвегии и Исландии. Министры утвердили «Директивы по разработке политической декларации и рамочного политического документа для политики «Северного измерения», начиная с 2007 года».

Рамочный документ по политике «Северного измерения», одобренный в 2006 году и вступивший в силу с 1 января 2007 года, определил географические рамки политики «Северного измерения», состав партнеров, обозначил цели и приоритетные направления деятельности. Важнейшими регионами для политики «Северного измерения» были объявлены Калининградская область, а также обширная территория Арктики и Субарктики, включая район Баренцева моря. Одной из основных целей политики «Северного измерения» стало стимулирова-

¹⁹ См. www.mid.ru/ns-dos/nsf

²⁰ Political declaration on the Northern Dimension Policy, Helsinki, 24.11.2006.

ние экономической интеграции и конкурентоспособности, а также устойчивого развития на Севере Европы. 31 октября 2006 года Правительственная комиссия по экономической интеграции России утвердила Политическую декларацию и Рамочный документ по политике «Северного измерения». В ходе саммита Россия и ЕС в Хельсинки 24 ноября 2006 года они были одобрены странами-участниками нового этапа политики «Северного измерения».

Включение Норвегии и Исландии в число партнеров ЕС и России по новой концепции «Северного измерения» следует признать прямым следствием приверженности стран Северной Европы «Хельсинкскому соглашению» и результатом их совместных усилий, направленных на сохранение и преумножение достижений «северного сотрудничества» и в изменившихся международных условиях.

Для России сотрудничество в рамках субрегиональных структур на европейском Севере имеет самостоятельную ценность, так как в их деятельность вовлечены различные субъекты федерации. Эти структуры, по мнению министра иностранных дел России С. В. Лаврова, «могут найти свои ниши в меняющейся с запуском обновленного «Северного измерения» архитектуре регионального сотрудничества». «Мы совместно должны сделать так, — заявил российский министр, — чтобы «Северное измерение» не растворило их в себе, а способствовало эффективному решению стоящих перед ними задач»²¹.

С 2008 года главную роль в области финансирования «Северного измерения» со стороны ЕС играет новый финансовый институт — Европейский инструмент соседства и партнерства. На 2007–2013 гг. в его распоряжение выделено 15 млрд. евро. Внешнеполитическое руководство России исходит из того, что «основным инструментом реализации проектов в рамках «Северного измерения» должна стать новая модель финансового сотрудничества России и ЕС, которая создается после истечения срока действия программы ТАСИС в 2007 году.

Заключение

Рассмотренные в докладе сюжеты позволяют сделать вывод о том, что без учета положений «Хельсинкского соглашения» и приоритетного значения для стран региона «северного сотрудничества» было бы весьма сложно объяснить действия государств региона в рамках ЕАСТ, их позиции в отношении европейской интеграции в рамках ЕС, участие Норвегии и Исландии в ЕЭП, нынешнюю композицию основных партнеров по «Северному измерению» и логику действий стран Северной Европы в его рамках.

Последовательная поддержка инициативы Финляндии в отношении «Северного измерения» другими северными странами как в рамках ЕС, так и вне их, а также успешное привлечение ресурсов ЕС к решению приоритетных по значению задач для стран Северной Европы в прилегающих районах говорят в пользу того, что «северное сотрудничество» и в новых исторических условиях продолжает выполнять роль важнейшего общего инструмента политики северных стран в обеспечении их совпадающих интересов. Очевидно, что это направление их согласованного политического курса не утратит своего значения и в среднесрочной перспективе.

²¹ См. www.mid.ru/hs-dos.nsf

Проекции Евросевера в глобальном и европейском контекстах: угрозы, вызовы, макропроблемы

К. В. Воронов

Синхронное совпадение нынешних кризисов **в мировой экономике** (финансовый коллапс США с его разрушительными последствиями для мировых финансовых рынков) и **в мировой политике** (вслед за российско-грузинским вооруженным конфликтом в Южной Осетии) достаточно убедительно создают реальную основу и эмоциональный фон для тревожного восприятия даже недалекого будущего как «туманной и зыбкой дали». Поскольку давать точные прогнозы крайне опасно для собственной репутации, воспользуюсь данной возможностью, чтобы в дискуссионной форме поставить некоторые проблемы, многое наметить пунктиром, нежели дать готовые, выверенные ответы. Это связано как с прогностическим видением на ближайшее десятилетие, так и со сложностью концептуализации субрегионального будущего. При этом особенно трудно критически оценить собственные знания, умение приложить их к реалиям стран Северной Европы, урокам прошлого и взгляду в завтрашний день.

Северные страны показательны во многих отношениях, как: 1) группа малых передовых стран, 2) ядро «золотого миллиарда», 3) ближайшие соседи России, которые близки не только географически, но и культурно-исторически, цивилизационно-типически, генно-этнически и проч. Последующие 6–8 лет будут очень важными и сложными для России, наших северных соседей и мира. Здесь затрагивается сложная сфера внутреннего облика Евросевера и внешнее воздействие на него в многомерном, быстро меняющемся мире. Помимо прочего, эта группа **пяти малых северо-европейских стран** сама достаточно дифференцирована, ее условно можно разбить на: 1) ресурсно-ориентированные (Норвегия, Исландия и Финляндия — в меньшей степени) и 2) инновационно-технологические (Швеция и Дания). Странам Евросевера предстоит решать те проблемы, которые уже сложились, учитывая те тенденции,

которые достаточно ясно просматриваются. По какому сценарию (радикальному или инерционному) будут развиваться события, сейчас трудно сказать, но мы за основу возьмем умеренный, консервативный вариант²².

Эпоха глобализации и новых прорывных технологий открывает принципиально новые возможности для всевозможных трансформаций. Важным источником перемен может стать также очередной технологический всплеск (например, в нанонау-хау) в какой-либо из ключевых сфер жизни человечества. Усложнение международной конкуренции из-за появления в ней новых элементов делает эволюцию мира еще менее предсказуемой. Перед лицом новых вызовов и угроз вероятны попытки сближения/разъединения полюсов и «центров силы»: традиционного американского и европейского Запада, условного Востока (КНР, РФ, Индии), мира Ислама. Мощные сдвиги в мировой экономике и политике, быстрое перераспределение сил и ресурсов усугубляют ощущение непредсказуемости внешней среды²³.

Обострение всех аспектов международной конкуренции в сочетании с усложнением проблем модернизации, дальнейшее технологическое соперничество и расширение инновационной сферы как решающего фактора экономического, социально-экономического соперничества государств и обществ будет происходить на фоне роста информационных технологий, их смыкания с сетевыми структурами. Творится некая новая эволюция дуальности: геоэкономика — человек (при взрывном возрастании значения человеческого капитала) — как новый, неведомый комплекс?!

Нашим северным соседям, как и всему миру, предстоит столкнуться с всеобщей **угрозой смены парадигмы постмодерна** («постмодернити» — постиндустриализма) и **неолиберальной модели глобализации**. Альтернатива обострению глобальных проблем человечества (безопасности, бедности, международного терроризма, влияния религиозного и политического фундаментализма, нехватки продовольствия, наркобизнеса и проч.) была изложена, как известно, ещё в Концепции устойчивого развития общества на конференции ООН в Рио-де-Жанейро 1992 г. В подготовке ее документа «Повестка дня на XXI век» преуспела так называемая комиссия Г. Х. Брундтланд, где активное участие принимали деятели северных стран. Однако этот документ остался скорее благим пожеланием, чем неотложной программой сохранения и развития человеческой цивилизации. С ростом глобализации мощь и давление транснациональных корпораций и других межнациональных структур на государства будет нарастать. Удастся ли устоять государствам (тем более таким малым как северные) от маргинализации? Отсюда обострение проблемы равновесия и стабильности мировой экономики (циклы, спады, кризисы). Станет ли антиглобализм Великой Смуты XXI века? Какой будет следующая эпоха? Продолжится ли информационная революция и ее проявление в виде «новой экономики»? Видим ли мы ростки нового или произойдет резкий слом эпох?

²² Здесь рассмотрена проблематика в рамках «семи ключевых факторов глобальных перемен», представленных в резонансном проекте, см. подробнее: Россия и мир в 2020 году. Доклад Национального разведывательного совета США «Контурь мирового будущего». А. Шубин. Россия-2020: будущее страны в условиях глобальных перемен. // М., «Европа», 2005, с. 4.

²³ Сolidную основу и инструментарий для прогностического анализа дают, безусловно, широко известные экспертному сообществу доклады СВОП см. на сайте: www.svorpu.ru.

Сюда примыкает **угроза глобальных и региональных кризисов**: от экономических, ресурсных до природных катаклизмов — цунами в ЮВА в декабре 2004 года²⁴, ураган «Катрина» в США в августе 2005 г., наводнение в Бирме в апреле и землетрясение в китайской провинции Сычуань 12 мая 2008 г. и будущих военно-политических всплеск на ББВ, в частности в связи с Ираном²⁵. Дополнительных усилий от северян потребует реагирование исламский фундаментализм, международный терроризм, ядерные амбиции Ирана и КНДР, нестабильность в Пакистане и др.

Странам Евросевера предстоит обеспечивать экономический рост своих народно-хозяйственных комплексов перед лицом **угрозы стабильности мировой экономики**, развитие которой осложняется в условиях серьезного изменения природной и международной среды. Даже сохранение их нынешних поразительных социально-экономических достижений будет представлять серьезную проблему. Здесь важно различие в темпах экономроста между этими странами и остальными государствами ЕС, между Западом и группой быстрорастущих держав БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай), от которой и будет зависеть судьба мировой экономики в ближайшие десятилетия²⁶. Произойдет ли дальнейшее смещение экономической и политической расстановки внутри самого северного субрегиона (от Швеции к Норвегии, как сейчас) или появится иной тренд? Станет ли политика протекционизма и закрытия экономик развитых стран очевидной реакцией на последние трансформации или же новый этап глобализации (не неолиберальной, а иной, хотелось бы, более гуманной и демократической) нивелирует издержки этих и новых сдвигов?

Евросоюз и североевропейские страны как его интегральная часть из-за потери конкурентных позиций и глобальных структурных изменений рискуют в ближайшее десятилетие потерять свою привычную мировую лидирующую роль и к тому же утратить исключительный уровень материального обеспечения своих граждан. Среди мировых правящих элит (по крайней мере, их значительной части) сложился новый концептуальный консенсус видения будущего, в основе которого лежит идея демонтажа системы социальных гарантий для «золотого миллиарда». Политика девальвации социального государства в Европе (примеры в ФРГ, Франции, Италии достаточно очевидны) составит, как представляется, основу политического процесса ближайших десятилетий. Эта **новая парадигма развития и модель социально-экономического роста** реально бросает экзистенциальный вызов так называемой

²⁴ Для Швеции, например, его последствия были очень чувствительными: погибло и пропало без вести около 2 тыс. чел, а общее количество пострадавших превысило 7 тыс. чел., что сопоставимо, как отмечалось в СМИ, только с ее историческими военными потерями в Полтавской битве 1709 г.

²⁵ «Худшим» сценарием было бы обострение конфликта на Ближнем Востоке за пределами Ирака и по всему региону, в котором бы участвовали не только США и Иран, но также Израиль, Саудовская Аравия, Сирия, возможно, Египет и Турция. Это был бы в такой же степени конфликт между ветвями Ислама — шиитами и суннитами, как и, скажем, конфликт между Исламом и остальным миром или Исламом и Западом. При наличии здесь потенциала для колоссального взрыва такой конфликт может выйти из-под контроля, превратившись в следующую мировую войну.

²⁶ В 2020 г. четыре страны БРИК, согласно общеизвестным прогнозам, произведут столько ВВП, сколько страны «большой семерки» — авангарда западного мира. А ещё через 10 лет эта группа выработает в два раза больше продукции. Эта ситуация очень многое меняет, в том числе повлияет и на появление новых «центров силы».

скандинавской/«шведской» модели государства всеобщего благосостояния со всеми малосимпатичными сопутствующими последствиями.

Еще одной важной характеристикой многостороннего кризиса, который может усилиться между 2010–2015 гг., является (наряду с глобализацией и изменением климата) **демографический вызов** как фатальная угроза сокращения и старения коренного населения, увеличения иммиграции из стран Третьего мира (в сочетании с привнесением угрозы исламского фундаментализма) совместно с падением здесь традиционных ценностей: религии, семьи и брака. Согласно контрастной картине демографической динамики в докладе «Евростата», 14 из 27 стран Евросоюза столкнутся через 50 лет с серьезными демографическими проблемами. Так, к 2050 г. население Северных стран подрастет неравномерно: если у Дании и Финляндии за 45 лет оно останется на том же уровне — 5,4 млн. человек и 5,2 млн. человек соответственно, то у Швеции (+18%) вырастет с 9 до 10,2 млн. человек²⁷. Если сейчас в странах Евросоюза на одного пенсионера приходится четыре человека работоспособного возраста, то через полстолетия эта пропорция составит 1 к 2, что, по мнению экспертов, создаст дестабилизацию систем социального обеспечения, здравоохранения и экономики. Старение населения европейских стран — «демографическая бомба замедленного действия», способная сдетонировать через несколько десятилетий.

Страны Северной Европы затрагивает, безусловно, будущий **ресурсно-экологический** (потепление, парниковый эффект, загрязнение) **вызов** как выбор экологической политики — фактора международной конкурентоспособности государств (от Киотского протокола до инициативы А. Гора). К тому же здесь вполне возможны спонтанные техногенные катастрофы большего масштаба (например, химическое заражение Балтийского моря или радиоактивное загрязнение Баренцева моря, в том числе, на границе с Норвегией), нарушение экологического равновесия на Севере России. Мы не знаем, какие ресурсы и возможности окажутся наиболее ценными через 20–30 лет и вокруг чего развернется основное сотрудничество/противостояние. Но в этой сфере, скорее всего, воцарятся не только мирная кооперация и партнерство.

Хотя положение стран Евросевера в этом отношении в целом более благоприятное, чем у большинства западноевропейских соседей, зависимость от внешних энергопоставок (прежде всего российских) будет только возрастать. Это особенно пугает Старый Свет на фоне новой наступательной и твердой политики Кремля. Энергетическая конкуренция и связанные с ней противоречия можно смягчить (даже преодолеть — согласись европейцы на историческую сделку, которую предлагала Москва, — доступ западных компаний к месторождениям и добыче в обмен на предоставление россиянам пропуска к передовым технологиям и внутриевропейскому рынку. В этом отношении недавнее заявление президента России Д. А. Медведев о том, что Арктика имеет для нашего государства стратегическое значение и должна стать ресурсной базой для России в XXI веке²⁸, затрагивает, очевидно, также и наших северных соседей.

²⁷ http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page?_pageid=1996,39140985&_dad=portal&_schema=PORTAL&screen=detailref&language=en&product=REF_TB_population&root=REF_TB_population/t_popula/t_proj/tps00002

²⁸ «По оценкам экспертов, континентальный шельф Арктики может содержать около четверти всех шельфовых запасов углеводородов в мире. Использование этих ресурсов — залог энергетической

На практике для этих государств (прежде всего Норвегии) это будет означать не только стремление избежать жесткой конкуренции в ресурсно-привлекательном арктическом регионе, но и добиться здесь прагматического сотрудничества с Россией. Изменение политики Москвы по недопущению иностранных компаний в качестве операторов разработки наиболее перспективных объектов (Ямал, Штокмановское месторождение) может привести к действительному освоению этих природных богатств. Предполагается, что до 2010-го кардинальных перемен в этой сфере не произойдет, а возможные сдвиги в будущем уже не позволят добиться изменений к 2017 г. А ведь единый энергетический комплекс «Большой Европы» резко усилил бы общий потенциал, ликвидировав значительную часть опасений. Историческое предложение Москвы «о стратегическом размене» официально отвергнуто, хотя отдельные сделки (секторальные и региональные) претворяются в жизнь. Взаимовыгодный компромисс по-прежнему возможен, если ему не помешают политические обстоятельства. Одно из таких важных обстоятельств — позиция США.

Ключевое воздействие на международно-политический курс Евросевера будут оказывать, на наш взгляд, 1) международно-политические макротренды, важнейшие международно-политические изменения, наметившиеся в расстановке сил на глобальном и региональных уровнях, проблемы и неопределенности мирового развития; 2) и главное — воздействие событий в ближайших регионах, создающих новые возможности для взаимоотношений североевропейских государств с внешним миром. Кардинальные изменения внутривнутриполитической ситуации в этой группе стран, какие либо изменения в элитах и высших властных структурах вряд ли будут вносить революционные коррективы, настолько существенные, чтобы радикально изменить вектор (даже вступление Швеции и Финляндии в НАТО может обрести ограничивающими условиями и сдерживающими оговорками по типу «базовой» и «атомной» политики Дании и Норвегии в альянсе) их внешнего курса.

Наибольшую угрозу в этой связи представляет **глобальная геополитическая трансформация** (в «большом геополитическом четырехугольнике» — США, ЕС, РФ, КНР) и становление **нового мирового порядка** (с утратой Западом доминирующей в нем роли)²⁹. Однополярный мир в его американской версии утрачивает способность к самоупорядочиванию, хотя ясно, что США останутся одним из полюсов мироустройства — наряду с Европой и поднимающимся Китаем³⁰. Не вызывает сомнений и то, что влияние «центров силы» в формирующемся мире будет определяться четырьмя факторами: во-первых, масштабами и степенью

безопасности России в целом», — сказал Д. Медведев 17 сентября 2008 г. в Москве на заседании Совбеза РФ. По заявлению главы государства, около 20% ВВП России и 22% общероссийского экспорта производится в регионе Арктики. http://kremlin.ru/appears/2008/09/17/0913_type63374type63378_206540.shtml

²⁹ Даже в возможных вариантах будущего — «Давосский мир», «Рах Americana», «Новый Халифат», «Контур Страха» — предложенных в упомянутом выше докладе НРС США, в условиях отсутствия однозначного глобального лидерства, существенно возрастет роль новой России. Это приведет к перераспределению ответственности за обеспечение глобальной и региональной стабильности и развития. Однако возможные глобальные сценарии отнюдь не исчерпываются, очевидно, этими четырьмя, выделенными экспертами НРС.

³⁰ См., например, подробнее: Воронов К. Глобальная интересистема: эволюция, структура, перспективы // «МЭ и МО», М., 2007, № 1, с. 18–27.

диверсификации народного хозяйства; во-вторых, интенсивностью финансового и экономического взаимодействия с остальными полюсами; в-третьих, масштабом и боеспособностью обычных вооруженных сил (ядерный потенциал играет скорее охранительную роль); и, в-четвертых, способностью великих держав интегрировать свое «ближнее зарубежье»³¹. Для малых северных стран возможно конкретное проявление этой макроугрозы — углубление раскола в трансатлантических отношениях и размежевание по линии США — ЕС, его превращение в самостоятельный «центр силы». Сохранение евро-атлантического пространства в глобальной политике на основе представлений о целостности европейской цивилизации и общности интересов партнеров будет оставаться, представляется, главной внешнеполитической задачей североевропейских государств в прогнозируемый период.

В этом контексте **евроинтеграция** (учитывая ее возможности и пределы) останется ключевой макропроблемой для выражения взаимосвязи стран Севера с континентальной Европой, самоопределения в евроатлантическом пространстве. Интеграционная проблематика распадается на широкую гамму, целую гирлянду вопросов и проблем: национально-государственной идентичности, выбора оптимальной стратегии развития, изменения места в международном разделении труда, развития и доверия в продвинутых демократиях. Внешние аспекты проблемы — стратегия субрегионального развития, национальная — государственная, общественная и проч. реакции, обострение проблемы единства и возможной неприятной сецессии (ослабление связей с метрополией и деятельность сепаратистских движений наложенных на ряд других факторов может по худшему сценарию привести, например, к оформлению выхода Гренландии и Фарерских островов из состава Королевства Дании). Проблема «безопасность и сотрудничество на Севере Европы (НАТО — ЕС — Россия)» заключается в решении дилеммы: особняком или вместе (казуальное сотрудничество или плодотворный симбиоз)?

Будущая интеграционная политика наших северных соседей определяется сложной динамикой развития Евросоюза, формированием европейского «центра силы» и ориентацией на свои политико-экономические интересы. По мере роста экономического потенциала стран-членов ЕС их политические амбиции будут расти, особое значение приобретает укрепление евро как резервной мировой валюты и возможной альтернативы доллару США. Вместе с тем рост экономического и финансового могущества интегрирующейся Европы не подкрепляется адекватным усилением военной мощи, в особенности в современных видах вооружений и военных технологиях. Более того, в этой области зависимость европейцев от США будет увеличиваться. В обозримый период не стоит рассчитывать на создание полноценного европейского «центра силы», который стал бы военно-политической альтернативой США. Превращение Евросоюза в конфедеративное образование, самостоятельный субъект международных отношений также, очевидно, откладывается. Причина — системные трудности в эпицентре (Франция, ФРГ, Бенилюкс) как главном катализаторе интеграционного европроцесса. Происходящее усиление конкуренции между ЕС, США и Россией может затронуть Евросевер из-за: 1) произошедших кардинальных

³¹ См. соответствующий раздел: «Россия и мир: 2008. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз». Научн. рук. акад. РАН Дынкин А. А., чл.-корр. РАН Барановский В. Г. Москва: ИМЭМО РАН, Торгово-промышленная палата РФ, Фонд перспективных исследований и инициатив, 2007. ИМЭМО РАН, 2008.

изменений в области энергетики; 2) кризисной ситуации в Евросоюзе, ослабления его позиций после его «двойного расширения» (2004 г и 2007 г.); 3) нарастания внешних угроз и вызовов.

«**Российский фактор**»³² продолжает оказывать довольно заметное воздействие на формирование политики на Евросевере. Хотя политика северян формируется под воздействием различных кратко- и долгосрочных экономических, внутри- и внешнеполитических, культурно-исторических и прочих факторов, различия между ними определяет именно подход к отношениям с Россией³³. Они находятся, при всей условности всякого деления, в двух категориях: среди «*дружественных прагматиков*» — Финляндия (сюда можно отнести «нечленов ЕС» — Норвегию и Исландию) и «*сдержанных прагматиков*» — Дания, Швеция. Северяне явно отличаются от третьей неприятной категории — «*откровенно враждебных*» — ННГ Балтии и Польша — энтузиастов «новой холодной войны». Эта расстановка сохранится, вероятно, на обозримую перспективу из-за разной степени включенности северных соседей в продуктивные торгово-экономические связи с новой Россией. Особенно реализация самого масштабного и политически уязвимого совместного проекта по строительству Североевропейского газопровода (известного больше как Nord Stream или «Северный поток»), сталкивающегося не только с жесткой критикой, но и прямым (со стороны Польши и Эстонии) и косвенным (со стороны Финляндии и Швеции) противодействием, намечаемая на период 2011–2012 гг., может позитивно сказаться на хозяйственной динамике Евросевера, укреплении связей с Москвой³⁴.

Современная Россия, как осознает руководство северных государств, пока не готова интегрироваться в структуры расширенного Запада. Отсюда сохранится сочетание ограниченного партнерства и локального соперничества. В предстоящий период российско-североевропейские отношения будут сводиться в основном к торгово-экономическим связям, расширению региональных контактов и политико-правовым, пропагандистским спорам по вопросам прав человека и основных свобод. Северян беспокоит постепенное восстановление международной роли и влияния Москвы, но они понимают ограниченность ее целей в субрегионе. Хотя за последнее время здесь вырос скептицизм в отношении перспектив развития РФ, северяне не поддержат политиков прибалтийских республик, имеющих исторические претензии к России. С другой стороны, не одобряют они и ее усилий по активному продвижению своих интересов, например, защите интересов русскоязычных неграждан Латвии и Эстонии. При всех вариантах северяне будут избегать превращения Скандинавии и Прибалтики в поле российско-западного драматического соперничества. По мере того как Россия восстанавливает свои позиции и использует схемы «мягкой силы», северные соседи ощущают все более «тесные объятия» Москвы. Для них возвращаются проблемы

³² Убедительный прогностический анализ представлен. См. подробнее: Шмелев Н. Россия через 50 лет: возможные сценарии будущего // Современная Европа, М., 2006, №1 (январь–март), с. 5–24.

³³ «Россия — самый мощный фактор, разъединяющий Европу» — основной тезис опубликованного в ноябре 2007 г. доклада недавно образованного Европейского совета по международным отношениям. (www.ecfr.eu/content/entry/pr_power_audit/)

³⁴ Эта проблематика освещена см. подробнее: Воронов К. Новый партнерский договор РФ — ЕС: североевропейский ракурс // «МЭ и МО», М., 2007, № 8, с. 52–62.

зависимости от великого «восточного соседа» (феномен *дежавю* «финляндизации»), хотя на этот раз в скрытой и утонченной форме³⁵.

Изменение ориентации и стиля поведения Москвы — значительно более жесткого и требовательного — может проявиться, думается, в отношении ННГ Балтии (Латвия, Литва, Эстония), особенно в качестве «асимметричного ответа» и реакции на реализацию планов создания третьего позиционного района НПРО США в Польше и Чехии. Именно здесь и сейчас заложены предпосылки для разрастания в будущем опасного конфронтационного сценария (с известным деструктивным инструментарием: развертыванием гонки вооружений — размещением ОТРК «Искандер» и РСМД в Белоруссии и Калининградском оборонительном районе, аналогичных баз и высокоточного оружия на территории новоиспеченных членов НАТО, ограничением калининградского транзита, введением экономсанкций, ущемлением нацменьшинств в Балтии и проч.) дестабилизации балтийского и северного субрегионов. При таком крайне нежелательном сценарии ситуации могут варьироваться от умеренно напряженного до остро противостояния, включая римейк апокалиптического Кубинского ракетного кризиса³⁶.

Однако дальнейшее изменение соотношения сил в пользу России будет вызывать растущую озабоченность на Евросевере. Такая тенденция увеличивает число сторонников полноправного членства Финляндии (этого добивается Национально-коалиционная партия) и — в меньшей степени — Швеции (Умеренная коалиционная партия) в НАТО, хотя трансформация альянса для целей глобального миротворчества и формирование военно-политической компоненты (ОВБП/ЕПБО) ЕС будет воздействовать, видимо, в противоположном направлении. Вместе с тем, спокойная реакция (при всей дифференциации в этой группе³⁷) и внешняя доброжелательность

³⁵ Россия является самым крупным торговым партнером Финляндии. По данным аналитиков Банка Финляндии в 2004–2005 гг. произошло шестикратное увеличение объемов финских промышленных инвестиций в РФ, более 2,2 тыс. финских компаний находятся в собственности либо контролируются россиянами. Быстро растет российская иммиграция, все большее значение приобретает транзитная торговля — через Суоми проходит около 20% всего российского импорта. www.bof.fi/en/tilastot/index.htm

³⁶ В ответ на усиление Москвы на Кавказе некоторые круги в Вашингтоне рассматривают, например, варианты активизации на «северном фланге России, где НАТО сплочена и относительно сильна». Среди возможных мер: 1) активизация процесса вступления Финляндии и Швеции в НАТО; 2) укрепление обороноспособности трех прибалтийских государств-членов альянса; 3) проведение совместных маневров с прибалтийскими государствами без предварительного уведомления. (Дж. Хогленд, Прибалтийский ответ Медведю, «The Washington Post», 15 сентября 2008 — <http://www.inosmi.ru/translation/244011.html>).

³⁷ В отличие от Прибалтийских стран, чья антироссийская риторика остается почти неизменной, Скандинавия после российско-грузинского вооруженного конфликта и признания Москвой независимости отколовшихся от Грузии Абхазии и Южной Осетии, в своей оценке отношений с Россией явно разделилась. Наиболее жесткую позицию заняло шведское правительство (коалиционный правоцентристский кабинет премьер-министра **Ф. Рейнфельдта**) и датское (коалиционное правоцентрическое правительство во главе с премьер-министром **Андерсом Фог Расмуссеном**). Две другие северные страны — Финляндия (внешнеполитический курс все еще под влиянием президента **Тарьи Халонен**) и Норвегия (коалиционное левоцентристское правительство во главе с премьер-министром **Й. Столтенбергом**) были в своих оценках намного сдержаннее. Это объясняется их значительно большей заинтересованностью в отношениях с РФ, чем Швеция и Дания, что «прямо следует из показателей взаимной торговли и инвестиций». (См. подробнее: Прохоров П. Двигаться дальше. // «Эксперт Северо-Запад», Санкт-Петербург, №37 (385)/22 сентября 2008).

северян не могут затушевать тот факт, что в их двусторонних отношениях с новой Россией сохраняются серьезные сферы несовпадения интересов и даже противоречий.

В заключение можно всё же сделать, казалось бы, достаточно неожиданный и оптимистический вывод о том, что, несмотря на сложный и болезненный процесс формирования мирового будущего, у малых стран Евросевера есть, безусловно, перспективы стабильного поступательного развития, все шансы и возможности отстоять свои фундаментальные социально-экономические позиции и коренные международно-политические интересы. Практическое преломление нынешних и предстоящих вышеперечисленных угроз и вызовов, воздействие кризисов (финансового, экономического, ресурсного, экологического и проч.) и катаклизмов в динамическом евроконтексте для стран Северной Европы будет иметь, как представляется, всё же достаточно щадящий, умеренный характер. Это связано с безусловным действием факторов и сил (среди которых, эффективность и адаптивность их национальных экономик, успешная встроенность в международное разделение труда, устойчивость социальных и партийно-политических систем, прочные позиции на мировой арене, включенность в систему западных союзов и проч.) в пользу относительной устойчивости и результативности экономических, социальных и политических систем наших северных соседей. В этих условиях Россия будет по-прежнему озабочена проблемами встраивания в систему многогранных отношений на Евросевере, поиском таких субрегиональных направлений, сфер и отдельных стран, которые способствуют расширению ее связей с интегрирующейся Европой.

Россия и Норвегия: история становления и перспективы развития двусторонних отношений

А. А. Комаров

Норвежские исследователи, размышляя об истории XX века, в качестве главных исторических процессов, характерных для Норвегии, обычно выделяют две линии или направления. Первое направление, связанное с социально-политическим развитием страны, заключается в движении от нужды к изобилию, а второе, — внешне-политическое, — заключается в эволюции от безоружного нейтралитета к участию в военно-политическом союзе НАТО.

После расторжения шведско-норвежской унии и обретения Норвегией независимости в 1905 г. встал вопрос о выработке внешнеполитического курса страны. Политическое руководство молодого государства высказалось в пользу проведения политики нейтралитета. При этом в качестве главной внешнеполитической задачи ставилась необходимость обеспечения и поддержания международных материальных (т.е. экономических) связей страны. Таким образом, внешняя политика Норвегии в тот период оказалась сведена к участию в международной торговле и неучастию в политических союзах. Первая мировая война не затронула Норвегию. В военные годы страна проводила политику благожелательного к державам Антанты нейтралитета.

Отношения с великим восточным соседом традиционно имели для Норвегии большое значение. Именно российское правительство первым официально признало независимость Норвегии в 1905 г. В 1924 г. Норвегия признала Советскую Россию де-юре, обменяв свое дипломатическое признание на признание со стороны СССР Шпицбергенского трактата³⁸. Двустороннее сотрудничество в период между двумя мировыми войнами развивалось прежде всего в экономической сфере. В отноше-

³⁸ Согласно Шпицбергенскому трактату, подписанному 9 февраля 1920 года в Париже, над Шпицбергеном, считавшимся ранее ничейной землей, устанавливался суверенитет Норвегии, а государствам-участникам договора предоставлялось равное право на эксплуатацию естественных ресурсов Шпицбергена и его территориальных вод. Советское государство не было приглашено для выработки и подписания этого документа.

ниях СССР и Норвегии присутствовали, если выразиться образно, как страх, так и ожидания³⁹. Для советской политики безопасности в указанное время Норвегия в основном не представляла большого интереса. Это был недолгий период, когда Норвегия и СССР не имели общей границы, а стратегическое значение Европейского Севера и, в первую очередь, Северного Калотта не проявилось в полной мере. С конца 1930-х гг. ситуация стала меняться.

Избежав вовлечения в первую мировую войну, Норвегия рассчитывала повторить этот опыт и в условиях приближающейся второй мировой войны. Однако, как известно, 9 апреля 1940 она подверглась нападению и оккупации со стороны гитлеровской Германии. Правительство Норвегии и король Хокон VII отправились в изгнание в Великобританию. Де-факто Норвегия стала союзницей Великобритании⁴⁰.

Крушение межвоенного внешнеполитического курса и политики безопасности привели к пересмотру концепции норвежской внешней политики. Были выдвинуты идеи отказа от идеи нейтралитета и перехода к активному участию в международной силовой политике. Проводниками новых подходов выступили Трюгве Ли, ставший министром иностранных дел в ноябре 1940 г., и историк-международник Арне Урдинг. Впервые эти идеи прозвучали в конце 1940 года в беседах Трюгве Ли с представителями английского Министерства иностранных дел. Таким образом, во время второй мировой войны норвежское правительство рассталось с нейтральным прошлым и, став членом антигитлеровской коалиции, взяло курс на «атлантическую политику».

В период второй мировой войны наши страны прошли путь от кратковременного разрыва дипломатических отношений в мае 1941 г («ввиду того, что Норвегия в настоящее время не является суверенным государством»⁴¹) до их восстановления в августе 1941 г. и установления союзнических связей.

Яркой страницей в истории двусторонних отношений наших стран является Петсамо-Киркенесская операция, в результате которой в период с 7 по 25 октября 1944 г. советскими войсками была освобождена от немецкой оккупации Северная Норвегия.

Выход Финляндии из второй мировой войны в сентябре 1944 г. и возвращение района Петсамо Советскому Союзу, закрепленные Соглашением о перемирии между СССР, Великобританией и Финляндией 1944 г. и Мирным договором 1947 г. привели к восстановлению советско-норвежской границы. Уже в июле 1946 г. МИД СССР уведомил норвежскую сторону, что советское правительство готово провести демаркацию границы, взяв за основу российско-норвежскую границу 1826 года⁴².

12 ноября 1944 г. в ходе переговоров наркома по иностранным делам В. М. Молотова и норвежского министра иностранных дел Трюгве Ли советская сторона потребовала пересмотреть Шпицбергенский трактат и установить condominium над

³⁹ Страх и ожидания. Россия и Норвегия в XX веке. Под ред. В. И. Голдина и Й. П. Нильсена. Архангельск 1997.

⁴⁰ Ристе У. История внешней политики Норвегии. М. 2003. С. 211.

⁴¹ Вербальная нота НКВД СССР миссии Норвегии в СССР о прекращении дипломатических отношений между СССР и норвежским правительством. 8 мая 1941 г. // Советско-норвежские отношения. 1917–1955. Сборник документов. М. 1997. С. 308.

⁴² Рогинский В. В. Конвенция 1826 г. о раграничении между Норвегией и Россией: как дипломатическая проблема. // Вестник «Баренц-центра» МГПУ. Вып. 7. Мурманск 2008. СС. 25–30.

Шпицберген, а остров Медвежий передать под советский суверенитет. Норвежская сторона заняла выжидательную позицию и нотой от 9 апреля 1945 г. предложила компромисс: заключить соглашение о совместной ответственности Норвегии и СССР за оборону Шпицбергена. Советское руководство, однако, не отреагировало на это предложение. Очевидно, это было связано с тем, что интерес у советских властей к пересмотру статуса Шпицбергена ослабел. Немаловажное значение имело соображение, что дальнейший нажим на Норвегию мог только усилить атлантический крен во внешней политике соседа. 5 февраля 1947 г. министр иностранных дел Норвегии Хальвард Ланге направил Молотову письмо, в котором привел текст принятой в тот же день резолюции стортинга. В резолюции отвергалась идея возобновления переговоров по поводу совместной обороны Шпицбергена, и выражалось согласие лишь вести переговоры о ревизии Парижского договора 1920 г. Ответа советского правительства на это предложение также не последовало. В ноябре 1947 г. на Шпицбергене было открыто советское консульство.

До 1947 г. Норвегия пыталась проводить так называемую политику «наведения мостов». В ее рамках Норвегия как член ООН предполагала играть активную посредническую роль между Востоком и Западом, способствуя тем самым предотвращению международных конфликтов. Весной 1948 г. между Швецией, Норвегией и Данией начались переговоры о создании скандинавского оборонительного союза. Советский Союз, считая, что подобный союз «неизбежно станет филиалом западного блока», в отношении этих переговоров занял отрицательную позицию, но официально свое мнение не обозначил⁴³.

Эти переговоры к положительному результату не привели. Основным препятствием к их успешному завершению послужила Норвегия, склонявшаяся к сотрудничеству в сфере оборонной политики с англо-саксонскими державами. Окончательное оформление норвежский курс на атлантическую стратегию приобрел в апреле 1949 г., когда Норвегия стала членом НАТО.

После присоединения Норвегии к НАТО и, особенно, в начале 1950-х гг. в период войны в Корее в советско-норвежских отношениях наступило ухудшение. После смерти Сталина зашедшая в тупик советская внешнеполитическая линия начала меняться. В сфере советско-норвежских отношений положительные перемены связаны с визитом премьер-министра Эйнара Герхардсена в 1955 г. в СССР. Это был первый визит лидера страны-члена НАТО в Советский Союз⁴⁴. Визит прошел в позитивном духе и способствовал улучшению отношений СССР с Норвегией и другими странами Скандинавии.

Вскоре после официального визита премьер-министра в СССР встал вопрос об ответном визите Н. С. Хрущева в Норвегию. Отношения между СССР и Норвегией развивались в контексте перемен в советской внешней и внутренней политике, инициированных Хрущевым в связи с очевидной необходимостью преодоления

⁴³ См.: Комаров А. А. СССР и Скандинавский оборонительный союз (1948–1949)// Северная Европа. Проблемы истории. Отв. ред. О. В. Чернышева. Вып. 4. М. 2003. С. 90–105.

⁴⁴ Коробочкин М. Л. Визит Э. Герхардсена в Москву. Из истории советско-норвежских отношений в первой половине 50-х годов. // Сталинское десятилетие холодной войны. Факты и гипотезы. М. 1999. С. 97–107.

международно-политической изоляции, в которой находился Советский Союз. Норвегия была единственным в североевропейском регионе членом НАТО, имеющим с Советским Союзом общую границу, каковое обстоятельство весьма беспокоило советское политическое руководство. В связи с этим была подготовлена обширная программа по дальнейшему развитию и укреплению дружественных, добрососедских отношений между СССР и Норвегией и ослаблению связей Норвегии с Североатлантическим блоком.

Визит Хрущева в Норвегию, как и в Данию и Швецию, был назначен на лето 1959 г. В СССР в целом положительно оценивали достигнутый уровень советско-норвежских отношений и особую политику, которую проводила Норвегия в рамках своего членства в блоке НАТО. В условиях холодной войны советское руководство внимательно наблюдало за соблюдением Норвегией взятых на себя обязательств, опасаясь, что могут произойти отступления от провозглашенных принципов. Событием, укрепившим Советский Союз в своих опасениях, стал инцидент с американским разведывательным самолетом «У-2» в мае 1960 г.

Советское руководство предполагало, что в конечном счете Норвегию удастся вывести из НАТО и организовать последующий переход страны в категорию нейтральных государств. Как известно, курс на мирное сосуществование потребовал нового подхода к концепции нейтралитета, в котором в отличие от сталинского времени в период хрущевской оттепели стали находить позитивные черты. Вышесказанное свидетельствует о том, что отрицательная позиция по отношению к плану создания скандинавского оборонительного союза, которую занимало советское руководство во время его широкого обсуждения в Скандинавии в 1948–1949 гг. изменилась. Предполагалось также, что вопросы, связанные с обеспечением национальной безопасности стран Северной Европы при переходе Норвегии и Дании на нейтральные позиции можно будет разрешить «путем объединения усилий скандинавских стран, в том числе и в области обороны»⁴⁵. При этом имелось в виду, что Советский Союз вместе с другими великими державами мог бы взять на себя «обязательства уважать нейтралитет Севера и содействовать его укреплению»⁴⁶.

Заготовленные в 1959 г. инициативы реализовать не удалось в связи с тем, что накануне отъезда советской государственной делегации во главе с Хрущевым визит был отменен под официальным предлогом, что в скандинавских странах, прежде всего в Швеции, была развернута шумная антисоветская кампания.

Визит состоялся через пять лет. 29 июня 1964 г. на теплоходе «Башкирия» Хрущев прибыл в Осло. В совместном советско-норвежском коммюнике по итогам визита было отмечено «наличие хороших связей между двумя странами» и выражено стремление «содействовать дальнейшему укреплению дружественных и добрососедских отношений».

По острому вопросу двусторонних отношений, связанному с членством Норвегии в НАТО, Хрущев высказался на собрании, организованном Внешнеполитическим институтом в Народном доме города Осло. Рассказав о достижениях Советского Союза в различных областях и остановившись на добрососедских советско-норвеж-

⁴⁵ Проект «Ответа тов. Н. С. Хрущева на вопросы редакции норвежской газеты «Дагбладет», июня 1959г.// АВП РФ. Ф.0116. Оп.49. П.191. Д.16. Л.16.

⁴⁶ Там же.

ских отношениях, Хрущев заявил: сохранению мира и спокойствия на Севере Европы также содействует то, «что Норвегия и Дания не идут на размещение ядерного оружия и иностранных войск на территориях своих стран»⁴⁷. Назвав вступление Норвегии и Дании в НАТО вызвано «случайным стечением обстоятельств», советский лидер подчеркнул, что с советской точки зрения «самая надежная гарантия безопасности для таких стран, как Норвегия, Дания, Швеция, Финляндия, — это политика нейтралитета, которая признавалась бы обеими сторонами — как западными державами, так и социалистическими странами»⁴⁸.

Предложение о создании нейтрального скандинавского оборонительного союза Хрущев высказывать не стал. Очевидно, что в целом та расстановка сил, которая сложилась на Севере Европы и которая несколько позднее будет названа известным норвежским политологом «северный баланс», удовлетворяла оба соперничающих блока. Эта расстановка сил на долгие годы определила характер международных отношений на Севере Европы. Финляндия, имеющая Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с СССР от 6 апреля 1948 года, нейтральная Швеция и члены НАТО Норвегия, Дания и Исландия обеспечивали определенное равновесие в северо-европейском регионе, в котором сталкивались интересы двух сверхдержав.

Уже после отставки Хрущева со всех постов Э. Герхардсен посетил Советский Союз с визитом еще раз весной 1965 года. Норвежский лидер убедился, что советская внешнеполитическая линия по отношению к Норвегии и Северу Европы и при новом руководстве в основном осталась неизменной. В советское время состоялись еще две встречи руководителей правительств обеих стран, подтвердившие достигнутый уровень двусторонних взаимоотношений. В 1971 г. в Осло побывал Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, а в 1974 г. Москву посетил Премьер-министра Норвегии Т. Браттели.

Отношения СССР и Норвегии демонстрируют специфику взаимосвязей великой державы и малой страны. В условиях биполярного мира СССР — одна из двух сверхдержав — основное внимание уделял главному противнику — США, противостояние с которыми носило глобальный характер. Во взаимодействии с малыми странами важным было, какую роль играла та или иная страна в жестких рамках соперничества двух социально-политических систем. В норвежской внешней политике отношения с СССР занимали значительно большее место, нежели чем отношения с Норвегией в советской внешней политике. Такого рода явление норвежский историк Йенс Петтер Нильсен назвал «асимметричным соседством» — «Neighbourly Asymmetry».

Уже общим местом стали упоминания о том, что российско-норвежская граница всегда являлась границей мира, и между нашими странами никогда не было военных конфликтов. Необходимо отметить, однако, и то, что в истории советско-норвежских отношений межвоенного периода между нашими странами отмечено соперничество в Арктике.

Для Норвегии было важно поддерживать политику добрососедства с СССР. Отсюда особые условия участия Норвегии в НАТО и особая базовая и ядерная политика в рам-

⁴⁷ Маршрут мира. Визит Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева в Данию, Швецию и Норвегию. 16 июня — 4 июля 1964 года. М. 1964. С. 214.

⁴⁸ там же. С. 215.

ках этого блока. Эти две тенденции, а именно решение проблем своей безопасности при помощи атлантической солидарности, с одной стороны, и стремление поддерживать хорошие отношения с восточным соседом, с другой, — создавали определенную двойственность двусторонних контактов в период холодной войны. Причем политика по отношению друг к другу была двойственной у обоих партнеров. Она проявлялась как в советской политике по отношению к Норвегии, так и в политике самой Норвегии по отношению к Советскому Союзу. Дуализм советской внешней политики являлся выражением объективного противоречия между традиционным коммунистическим мировоззрением и существовавшей в реальности расстановкой сил на международной арене. Двойственность возникала из столкновения желаемого и возможного в сфере международных отношений. С одной стороны, у организаторов и проводников советского внешнеполитического курса существовало желание ослабить связи Норвегии с НАТО вплоть до вывода страны из этого военно-политического блока и перехода к политике нейтралитета, подобного шведской политике свободы от союзов. Это желание, однако, не могло быть реализовано на практике. С другой стороны, в области возможного была особая базовая и ядерная политика, которую проводила Норвегия в рамках своего членства в организации Североатлантического договора. В той же области возможного находился советский внешнеполитический курс, направленный на реализацию политики мирного сосуществования в отношениях с северными соседями, в том числе с Норвегией, в духе провозглашенного на XX съезде КПСС принципа мирного сосуществования государств с различным социальным строем.

Наличие двух тенденций очевидно также и в норвежской внешней политике. Советские дипломаты, работавшие в Норвегии, отмечали «отпечаток известной двойственности» во внешней политике этой страны. Эта точка зрения аргументировалась следующим образом: с одной стороны, Норвегия находилась в большой зависимости от США и Англии, и норвежские правящие круги проводили внешнеполитический курс, направленный на сотрудничество с НАТО. С другой стороны, при проведении этого курса они опасались и старались избегать обострения отношений между Норвегией и СССР. По ряду важных международных вопросов норвежское руководство занимало позицию, объективно выгодную Советскому Союзу, содействовавшую разрядке международной напряженности и не совпадавшую с точкой зрения США и руководства НАТО⁴⁹. Двойственность, таким образом, заключалась, с одной стороны, в тесном сотрудничестве с НАТО, а, с другой, — в стремлении поддерживать добрососедские отношения с СССР. Указанное обстоятельство вынуждало «норвежские правящие круги проводить политику лавирования, занимать более самостоятельную позицию по отдельным международным вопросам, а также более трезво относиться к военным мероприятиям участников НАТО, которые могли бы привести к резкому ухудшению отношений с Советским Союзом»⁵⁰. Раздвоенность положения Норвегии в НАТО отмечена в работах норвежских историков, в том числе в трудах известного исследователя Улава Ристе⁵¹.

⁴⁹ АВП РФ. Ф.0116. Оп.47. П.188. Д.10. Л.46.

⁵⁰ АВП РФ. Ф.0116. Оп.49. П.190. Д.1. Л.1.

⁵¹ См.: Ристе У. История внешней политики Норвегии. М. 2003. СС.290, 316.

Опираясь на привычные идеологические штампы периода холодной войны, можно сказать, что Норвегия посредством Северо-Атлантического пакта была привязана к империалистическим силам Запада. Этому мнению придерживались не только советские идеологи, но и норвежские коммунисты, — «друзья» по терминологии Международного отдела ЦК КПСС. В сотрудничестве КПСС, руководящей и направляющей силы советского общества, с норвежскими левыми партиями заключалась еще одна особенность двусторонних отношений. Причем отношения с «друзьями» предполагали не только обуждение и решение вопросов международного и национального коммунистического движения, но и осуществление мероприятий, связанных с реализацией советского внешнеполитического курса. Считалось, что норвежские коммунисты смогут помочь в достижении внешнеполитических целей СССР на норвежском направлении. Как известно, одной из главных таких целей было стремление вывести Норвегию из НАТО. Таким образом, формирование советской внешней политики по отношению к Норвегии шло не только по линии официальных каналов, но и по менее официальной линии, а именно через сотрудничество с Норвежской коммунистической партией, Социалистической народной партией, Обществом дружбы «Норвегия — Советский Союз» и др.

Советско-норвежские связи в самой существенной степени были подвержены влиянию мировой политики в целом. Наличие противоречий в международных отношениях часто приводило к колебаниям в уровне двусторонних связей СССР со скандинавскими странами, в том числе с Норвегией. Периоды улучшения в советско-скандинавских отношениях в хрущевскую и постхрущевскую эпохи сменялись периодами определенного охлаждения. Чаще всего эти колебания зависели от общей ситуации на международной арене, кризисов холодной войны. Однако в целом международные отношения на Севере Европы были стабилизирующим фактором в условиях холодной войны. Норвегия, как и все малые страны Северной Европы, являлась важным геополитическим элементом в системе глобального соперничества периода холодной войны. Значение малых стран для международных отношений указанного времени не стоит недооценивать.

В целом советско-норвежские отношения развивались в позитивном ключе. Существует мнение, что из всех стран — членов НАТО Норвегия имела наиболее дружественные отношения с СССР. Не последнюю роль в этом играли исторические традиции, в том числе поморская торговля. В постсоветское время сотрудничество в Баренцевом Евро-Арктическом регионе продолжает эту традицию. В период с 2007 по 2009 гг. Россия является председателем в созданном в 1993 г. Совете Баренцева Евро-Арктического региона и в качестве приоритета своего председательства выдвигает обеспечение устойчивого развития Баренцева региона⁵².

Добрососедское российско-норвежское сотрудничество имеет устойчивый характер. В наших двусторонних отношениях, однако, имеются и нерешенные вопросы: речь о разграничительной линии в Баренцевом море и будущем архипелага Шпицберген. Это, тем не менее, не мешает на регулярной основе обсуждать практически все вопросы российско-норвежских отношений, включая развитие сопредельного сотрудничества, а также участия России и Норвегии в многостороннем взаимодействии в Арктике.

⁵² Приоритеты председательства Российской Федерации в Совете Баренцева/Евроарктического региона 2007–2009 гг./ <http://www.beac.mid.ru>

История установления государственной принадлежности сухопутных и морских пространств на Крайнем Севере Европы

А. М. Орешенков

Шельф Баренцева и Карского морей представляет собой пока что еще неосвоенную Западно-Арктическую нефтегазоносную провинцию, прогнозные ресурсы которой, по оценкам российских экспертов, составляют пятую часть мировых запасов нефти и газа. Скоро уже 40 лет как Россия и Норвегия ведут переговоры о разграничении морских пространств в Баренцевом море, опираясь на принадлежащие им сухопутные территории, служащие основой делинеации этого моря. Постоянно растущий интерес к нефтяным богатствам Арктики делает весьма желательным рассмотрение не только вопроса об истории разграничения морских пространств, но и истории определения государственной принадлежности сухопутных пространств на крайнем Севере Европы.

Нынешние приграничные сухопутные территории России и Норвегии издревле были заселены саамами. Этот народ, вероятнее всего, начал заселять их в IV тыс. до н. э. Территория его проживания простирается от центральной Норвегии и Швеции через северные области Финляндии до Кольского полуострова⁵³. Этот народ, сохраняющий до сих пор традиционный образ жизни, не создал своего государства, в результате чего его история в течение последних полутора тысячелетий представляла собой медленное отступление под натиском других народов.

С IX в. норвежцы начали облагать саамов регулярной данью. Позднее к норвежцам присоединились шведы, финны, карелы и русские. Продвижение сначала норвежцев, а позже и новгородцев на север, к Баренцеву и Белому морям, вглубь Лапландии и на Кольский полуостров вело к неизбежным столкновениям между ними с применением оружия. Однако периодические вооруженные стычки так и не переросли в завоевательные войны. Этому мешали редкость поселений, непригодность большей части земель для обработки, двухмесячная полярная ночь и полукочевой образ

⁵³ См. карту на сайте <http://beznen-yul.narod.ru/strana/saami.htm>

жизни саамов. Норвежские сборщики ради получения дани добирались до восточной окраины Кольского полуострова, русские — до северо-западных морских рубежей Финнмарка и даже Тромса и Нурланна, т.е. до Тюс-фьорда (к югу от современного Нарвика)⁵⁴. Область проживания саамов-двоеданников получила у норвежцев название «felles distrikt» — «общий район».

Многовековой спор между двумя соседними народами по поводу этой области начался приблизительно в XIII веке с вооруженных столкновений, а затем перешел в стадию дипломатических переговоров, заключения договоров, нарушения последних, взаимных угроз. Первые такие договоры между Новгородом и Норвегией были заключены в 1251 и 1326 гг. В 1478 г. Новгород пал под напором Московского княжества, а в 1536 г. Норвегия превратилась в датскую провинцию. Как только в споры по поводу «общего района» вмешалась могущественная в то время Дания, дело приняло весьма невыгодный для Московского государства оборот.

Если до этого времени вопрос сводился к тому, где в «общем районе» проходит граница обложения данью, то датчане поставили вопрос о государственной принадлежности этих пространств⁵⁵. Чтобы отстаивать свои претензии Дания пустила в ход все свое дипломатическое искусство, в частности, она отыскивает старые документы, толкует их в свою пользу, пользуется слабым положением противника и т.д. Россия при защите своих интересов силой брала верх, но уступала датчанам в тактических действиях.

В 1595 году Московское государство, заключив Тязвинский договор со Швецией, уступило ей Финнмарк, составлявший $\frac{2}{3}$ «общего района». По этому договору граница проходила по Нейден-фьорду. В результате Кальмарской войны 1611–1613 гг. Дания заставила Швецию отказаться от приобретенных от Московского государства прав на Финнмарк. В период Великой смуты Московское государство не имело возможности весомо ставить вопрос о восстановлении своих прав на утраченную область, а затем вообще перестала ставить его перед датчанами.

Многовековой спор между Россией и Норвегией относительно земель у Баренцева моря завершился лишь в 1826 году. К тому времени площадь «общего района» составляла порядка трех тысяч квадратных километров. В 1825 г. была проведена демаркация границы в этом районе. Российскую часть демаркационной комиссии возглавлял подполковник В. Н. Галямин. Архангельская администрация участия в ее работе не принимала, что пагубно сказалось на результатах демаркации. На прилагаемых картах⁵⁶ видно, что практически весь «общий район» того времени и в том виде, как его представляла шведская сторона, отошел к шведско-норвежской унии.

Конвенция «О границах между Россией и Норвегией в лапландских погостах» была утверждена 2/14 мая 1826 г. В краткой биографии В. Н. Галямина на сайте «Музея декабристов»⁵⁷ говорится, что он «за отличное исполнение этого поручения получил

⁵⁴ А. Кан, Йенс Нильсен, «Соседи на крайнем Севере — тысячелетнее общение и сотрудничество», http://russia-norway.ru/catalogue/catalogue_1-00.shtml

⁵⁵ Абрахам Кааран, «К истории Русского севера», http://biarmia.narod.ru/library/1910_kaaran.htm

⁵⁶ http://commons.wikimedia.org/wiki/Image:Norway-Russia_1825.jpg, <http://www.reisnordover.no/autoweb/bilder/kart1.jpg>

⁵⁷ http://decemb.hobby.ru/index.shtml?alphavit/alf_g

(от короля шведского) 2 тыс. руб., орден Меча и бриллиантовую табакерку». Архангельское генерал-губернаторство, недовольное проведенным «дележом», настаивало на пересмотре соглашения. Попытка пересмотра Конвенции 1826 г., предпринятая российской стороной в 1830-е годы, успехом не увенчалась.

В царские времена конец этим попыткам положила Крымская война 1853–1856 гг. При подписании в ноябре 1855 г. договора между Англией, Францией и Швецией (и в частности одной из его секретных статей) последняя ставила своей целью не только возвращение Финляндии в результате благоприятного завершения этой войны, но и сохранение границ на Севере в соответствии с положениями Конвенции 1826 года⁵⁸.

Крымская война пагубно сказалась также и на российских промыслах на Шпицбергене. Если в XVII–XVIII веках численность постоянных русских зимовок на этом архипелаге достигала 200 человек, что представляло собой его эффективную оккупацию и позволяло говорить о возможности установлении над ним суверенитета России⁵⁹, то в результате разорения поморских сел англо-французской эскадрой во время этой войны зимовки поморов на Шпицбергене прекратились.

Этим воспользовалась Швеция, предложившая в начале 1870-х годов передать суверенитет над Шпицбергенем Норвегии. Планам Швеции, несмотря на поддержку ряда западных стран, не суждено было сбыться — Россия предложила объявить архипелаг «ничейной землей». Норвегия возобновила попытки добиться установления суверенитета над Шпицбергенем после обретения независимости в 1905 году⁶⁰. К этому времени большинство зимующего населения на архипелаге составляли норвежцы. Однако и на этот раз Россия не поддержала такие планы.

В 1910–1914 годах в Христиании (Осло) прошли три конференции, посвященные разработке Конвенции о Шпицбергене и имевшие целью придать архипелагу статус «территории общего пользования, изъятой из сферы распространения государственного суверенитета»⁶¹, а также регламентированный международно-правовой режим. Благополучному их завершению помешала Первая мировая война.

Вопрос о Шпицбергене был поднят на Версальской мирной конференции в 1919 г. После беседы посланника Норвегии барона Ф. Ярлсберга с премьер-министром Франции, председателем Парижской мирной конференции Ж. Клемансо он был включен в повестку дня конференции, несмотря на возражения ряда стран, справедливо полагавших, что этот вопрос никакого отношения к результатам первой мировой войны не имел. Норвегия установила суверенитет над архипелагом на основании договора о Шпицбергене, подписанного 9 февраля 1920 г.

По Парижскому договору страны, участвующие в нем, согласились признать суверенитет Норвегии над Шпицбергенем на определенных условиях. Наиболее жесткие условия в договор были внесены по настоянию Великобритании. Они сохранились

⁵⁸ В. Судаков, «Державная грань порубежья», <http://www.kirjzh.spb.ru/history/sudak.htm>

⁵⁹ Л. Д. Тимченко «Международно-правовой статус Шпицбергена и современность», Киев, Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.ю.н., 1989 г., стр. 5–6.

⁶⁰ Россия была первой страной, признавшей независимость Норвегии в 1905 году. — *Прим. Автора.*

⁶¹ Р. В. Деканозов «Международно-правовое положение Шпицбергена», Свердловск, Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук, 1966 г., стр. 139.

в неизменном виде в его нынешнем тексте и, по мнению министерства юстиции Норвегии, представляют собой положения, несовместимые с достоинством суверенного государства⁶². В результате изменений, предложенных Великобританией и касавшихся порядка разработки дополнительного международного джентльменского соглашения о горном уставе для Шпицбергена, ключевые вопросы режима этого архипелага оказались в руках двух английских «юристов короны», которые неизвестно в силу каких причин решили их не в пользу английских компаний, а Норвегии⁶³.

После окончания гражданской войны молодому Советскому государству как воздух было необходимо дипломатическое признание. В феврале 1924 году наступила полоса его признания со стороны европейских государств: первого февраля Советский Союз признала Великобритания, седьмого — Италия. А. М. Коллонтай в ультимативной форме поставила перед норвежцами вопрос о дипломатическом признании СССР в обмен на признание им суверенитета Норвегии над Шпицбергеном⁶⁴. 15–16 февраля 1924 года состоялся обмен соответствующими нотами, а в 1935 г. после дипломатического признания СССР со стороны США Советский Союз присоединился к договору о Шпицбергене.

Попытки СССР изменить статус Шпицбергена в конце Второй мировой войны и сразу после ее окончания (чтобы главная часть архипелага с островом Шпицберген управлялась совместно Норвегией и Советским Союзом как «кондоминиум», а о Медвежий был передан под суверенитет СССР⁶⁵) ни к чему не привели, и Норвегия осуществляет суверенитет над архипелагом в том виде и на тех условиях, которые определены в Парижском договоре 1920 г. Также на уровне предложений Генштаба Красной Армии, выдвинутых в 1945 г., осталась проработка вопроса о передвижке границы Советского Союза на запад до реки Тана с целью исправить неудобные для СССР положения Конвенции 1826 года⁶⁶.

В настоящее время площадь пространств в зоне действия договора о Шпицбергене, режим которых имеет спорный характер, составляет более одного миллиона квадратных километров. Норвегия выдвигает претензии на право исключительного распоряжения этими пространствами, ссылаясь на «полный и абсолютный суверенитет», признанный за ней над Шпицбергеном на условиях Парижского договора

⁶² Mathisen T., «Svalbard i internasjonal politikk. 1871–1925», Oslo, «H.Aschehoug & Co. (W.Nygård)», 1951, s. 235.

⁶³ Mathisen T., *op.cit.*, s. 247.

⁶⁴ Mathisen T., *op.cit.*, s. 277.

⁶⁵ Свен Г. Хольтсмарк, «Советский Союз и Норвегия на Шпицбергене», http://russia-norway.ru/catalogue/catalogue_1-04-3.shtmlhttp://russia-norway.ru/catalogue/catalogue_1-04-3.shtml

⁶⁶ Д. Ильин, «Разгрома не было? Зато осталась благодарность», <http://www.mvestnik.ru/shwpgn.asp?pid=200505262009>. Более подробно эти вопросы рассмотрены в книге В. и А. Гортеров, М. Супруна «Освобождение Восточного Финмарка». По информации, размещенной на сайте Генерального консульства Норвегии в Мурманске <http://www.norvegia.ru/murmansk/events/Presentasjon.htm>, на презентации этой книги присутствовал житель долины реки Нейден О. Борисен, который через международные суды до сих пор добивается восстановления его в тех правах, которые некогда были дарованы его предкам Иваном Грозным «на территории самого западного русифицированного саамского погоста», отошедшего по Конвенции 1826 года шведско-норвежской унии.

Возможен ли Новый Ганзейский союз?

Р. Х. Симонян

В современном мире параллельно развиваются две противоположные, но равноправные тенденции. С одной стороны, усиление общепланетарных процессов, формирование принципиально новой всемирной системы, что характеризует тенденцию глобализации. Сам процесс глобализации всё более напоминает улицу с односторонним движением, где субъектом глобализации выступают развитые страны, в первую очередь США, а большинство остальных становятся его объектами. Отсюда естественно, как заметил Дж. Стиглиц, что глобализация обычно ассоциируется с торжествующим капитализмом американского типа. (Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М., 2003, с. 23). Мы являемся свидетелями своеобразного культурологического империализма. Таким образом, создаётся, по выражению М. Кастельса, «глобальная асимметрия», которая усиливается в условиях однополярного мира, возникшего после распада СССР. Да и сами американские политики не скрывают этого. «Мы внезапно оказались в уникальной позиции, — констатируют Джордж Буш и Brent Скоукрофт, — которая предоставляет нам редчайшую возможность на свой лад формировать мир» (G. Bush and B. Scowcroft. A World Transformed. N. Y., 1999, p. 564). Культурная многоукладность и национальная самобытность находятся сегодня под угрозой, человечеству стремятся навязать какую-то одну модель как единственно верную, нивелировать всё его многообразие под один трафарет, а отсюда естественная реакция снизу — защитить себя, свою уникальность.

С другой стороны, не менее отчётливо мы можем наблюдать и обратные процессы: увеличение разнообразия, степени фрагментарности мира, рост национального самосознания и усиление культурной дифференциации народов, возрождение традиционных ценностей, расширение локальных националистических устремлений, порой приводящих к экстремальным вариантам проявления национализма, особенно когда происходит фетишизация собственно этнического начала, когда этническое становится объектом культа. Т.е. глобализация если и не спровоцировала, то уж, во всяком случае, актуализировала потребность в национализме. Нарастающие антиглобалистские тенденции связаны с тем, что люди ощущают себя не представителями

некоего общего безликого мира, а носителями конкретного этнокультурного сообщества. Отсюда возросшая агрессивность в защите своего языка, своей культуры, своей истории. Возникают конфликты, порождаемые резкими расхождениями между локальными и «универсальными» системами ценностей. Последние воспринимаются как навязываемые извне, как экспансия «бездушной западной масс-культуры», как давление в направлении американизации жизни, которое часто демонизируется, что объясняется видовой тревогой за выживание, инстинктом самосохранения. Это органично переходит и в социально-политическую сферу.

Причём взаимосвязь и взаимозависимость рассматриваемых общественных тенденций такова, что реакция на уровне микросреды может вызвать резонанс на макроуровне. Местный, локальный характер события далеко не всегда ограничивается этими рамками, он может принимать и часто принимает общепланетарный масштаб. Вторая половина XX века и начало XXI века дают нам многочисленные примеры таких явлений.

Диалектика противоречий между первыми, происходящими на макро-, и вторыми, развивающимися на микроуровне, порождает необходимость регулирования и разрешения этих противоречий на каком-то пограничном, промежуточном уровне. Выход из конфликта этих противонаправленных сил в поиске переходной ступени, выполняющей роль своеобразного социального редуктора от общемировых к местным процессам. Этот промежуточный (мезо-) уровень позволяет общие тенденции приспосабливать к местным специфическим условиям, что даёт возможность в нарастающем процессе унификации и стандартизации сохранить разнообразие социального мира, защитить уникальность каждой отдельной культуры.

Какая же ступень организации различных государственных или административных сообществ может рассматриваться как промежуточная? Регион, на наш взгляд, и есть тот самый мезоуровень организации мирового социального сообщества, который позволяет одновременно не только ослабить и разрешить противоречия между глобальными и антиглобальными процессами, но и, что очень важно, сообщить определённую «глобальность» локальным процессам, и, наоборот, адаптировать общепланетарные тенденции к местной культурно-исторической специфике. Регион сегодня является промежуточной зоной, проводящей социальной средой, сопричастной как внутреннему, так и внешнему пространству. Именно на этой ступени общественной самоорганизации устанавливается баланс между интеграцией и дезинтеграцией, между центром и периферией, между централистскими и сепаратистскими тенденциями, между многими другими социальными противоречиями современного общественного развития.

Таким образом, можно отметить и третью тенденцию современности — регионализацию как результат двух первых. Под термином «регионализация» сегодня понимают процесс формирования региональных интеграционных группировок. Регионализация подразумевает тесное политическое, экономическое и культурное взаимодействие соседних стран.

Регион становится синтезирующим социокультурным пространством по многим направлениям. Историко-культурное пространство региона является многофакторной величиной, складывающейся постепенно на определённой территории в условиях конкретного климата и ландшафта. Оно обладает высокой степенью устойчивости

при определённых колебаниях и очертаниях границ. В рамках этого пространства протекают процессы смещения и синтеза производственных, хозяйственных, языковых, расовых, этнографических компонентов. Каждая новая этническая трансформация при этом не отвергает существующую ранее культуру, а вписывается, вживается, постепенно вращается в неё. Речь идёт о взаимодействии этнокультур в ходе их длительного исторического сосуществования, когда культура одного этноса проникает на территорию другого, преобразуя её определённым образом. Появился термин, описывающий процессы, характерные для этого организационного звена — «глокализация» (как синтез глобального и локального). В основе регионализации лежат, во-первых, общность социокультурных ценностей, во-вторых, рост экономической взаимозависимости и сближение экономических интересов. В-третьих, наличие общего внешнеполитического конкурента. И, в-четвёртых, отсутствие явно доминирующего центра. Не случайно, что первым регионом, где начались интеграционные процессы, стала Западная Европа. Именно здесь особенно чётко просматривается сочетание этих четырёх факторов.

Современная хозяйственная практика показывает, что рамки государства оказываются узкими, так как свободное движение ресурсов, особенно такого, как информация, и самая широкая кооперация труда становятся сегодня основным фактором процветания общества. Традиционная модель государства-нации начинает испытывать свой потенциал. Эволюция общественных связей и отношений способствует постепенному уменьшению главенствующей роли этой модели: государство теряет свободу принятия решений, интегрируясь в различного рода объединения. Государству как носителю идентичности бросают вызовы территориальные образования. Возможно, регионализация — единственный рецепт, способный спасти государство как социальную организацию от уготованной нашим почтенным классиком печальной судьбы — полного исчезновения. Иначе говоря, государства делегируют свои функции региональным организациям, которые создаются не только на основе общих экономических и политических интересов соседних народов, но и в связи с их принадлежностью к общей культуре или цивилизации. Следовательно, регионализация это не только способ государств приспособиться к условиям всеобщей глобализации, но и стремление приспособить глобальные тенденции к своим локальным интересам. Иными словами, регионализация — это ещё и путь к равновесию общепланетарной системы.

При этом само понятие «регион» не является застывшим, строго математически очерченным. Это может быть и внутригосударственное и межгосударственное образование, а один регион может входить в состав другого, более крупного региона. То есть данная категория универсальна, операциональна и продуктивна настолько, насколько универсальна, операциональна и продуктивна в принципе любая типология и классификация в области социального знания.

Как российские, так и зарубежные исследователи подчёркивают универсальный характер понятия «регион» и отсутствие жёсткого членения в его структуре, отмечая его диффузность, прозрачность границ, открытость для взаимопроникновения и диалога культур. Идея регионализации становится востребованной в современном мире, так как предлагает надёжный алгоритм для формирования открытых наднациональных общностей. Даже самые благополучные и стабильные во всех отношениях

страны Запада с сильным государственным аппаратом всё острее ощущают неспособность решить собственными средствами многие задачи (национальную безопасность, устойчивость развития экономики, борьбу с преступностью, природные катаклизмы, проблемы экологии и т.д.), поскольку всё чаще угрозы их внутреннему равновесию и безопасности возникают извне. Нейтрализация этих угроз, так же как и создание устойчивой экономики невозможно без постоянного и широкого сотрудничества с сопредельными государствами. Поэтому страны, которые географически находятся ближе друг к другу, пытаются укрепить взаимные связи, чтобы в глобальной мировой системе сообща представлять свои интересы.

Региональный фактор в современных экономических процессах становится всё более весомым. Размывание государственных и административных границ вызывает к жизни новые трансграничные и кооперативные проекты, которые прежде были совершенно невозможны. Хартия регионализма, принятая Европейским парламентом в 1988 году, закрепила понятие региона, применяемое в европейской региональной практике, согласно которому регион — «гомогенное пространство, имеющее физико-географическую, этническую, культурную, языковую общность, а также общность хозяйственных структур и общность исторической судьбы» (*The cultural challenge for Europe's region. Strasbourg, 1993, p. 43–44*). В этом документе особо подчёркивается, что при определении региона не обязательно наличие всех перечисленных характеристик. Европейское понимание региона значительно расширяет рамки понятия и позволяет свободно выбирать ракурс изучения региона в зависимости от выбранного критерия. В таком определении гораздо полнее отражается многозначность и многофункциональность региона, многовариантность его интерпретаций. В каждом конкретном случае сочетание доминирующих признаков отражает уникальную региональную ситуацию. Развитие регионализма в Западной Европе потребовало разработки концепции «Европы регионов», как определил её Жискард д'Эстен, что диалектически дополняет голлистскую концепцию «Европы отечеств». Сегодня ЕС включает в себя уже 27 государств, через несколько лет будет около 40 — Македония, Сербия, Черногория, Албания, Косово, а затем Украина, Молдавия, три закавказские республики, Турция. Понятно, что такое количество членов сообщества не может быть монолитом, оно, как и любая социальная система, неизбежно будет дифференцироваться на более мелкие группы. Это — азбука теории управления. Структурные элементы Объединённой Европы (Большой Европы) — регионы. «В сообществах, объединяющих 2–5 миллионов человек, нет устойчивости, — замечает французский социолог Теодор Зэлдин, — они, тем не менее, представляются основой для создания Европы регионов, которая должна заменить Европу государств» (*Т.Зэлдин. Всё о французах. М., 1989, с. 26*).

Можно привести примеры европейских региональных объединений. В 1995 году провинции Лотарингия, Саар совместно с Люксембургом создали Центр европейского менеджмента. В 1996 году три прибрежных графства Ирландии и Уэльса приняли совместную программу развития судоходства и портов. Четыре прибрежных провинции Италии и Греции объединили свои электросети, что позволило снизить цены на электроэнергию. Три губернии — Норрботтен (Швеция), Лапландия и Оулу (Финляндия), союзы коммун и союзы предпринимателей этих приграничных территорий объединили свои ресурсы для ускорения развития инфраструктуры транспорта, связи,

туризма, создания единого информационного пространства в рамках совместного проекта пространственного планирования, получившего название «Ботническая арка». «Европа регионов» находит и многообразные институциональные проявления. Так, с 1985 г. действует Собрание регионов Европы, решения которого оказывают серьёзное влияние в ЕС, с 1988 г. в ЕС функционирует Совет региональных и местных сообществ, регулярно проводятся конференции «Европа регионов» и т.п. Тенденция усиления влияния роли территорий в экономических интеграционных процессах формализовалась в создании в Брюсселе представительств региональных объединений стран-членов ЕС, которые активно лоббируют в Еврокомиссии те или иные проекты, претендующие на финансирование из средств Евросоюза.

Для обозначения регионов, населённых близкими по своим культурно-историческим характеристикам этническими сообществами, давно используются типологические определения, обобщающие в условном географическом названии вполне очевидное социально-культурное содержание. Например, в Европе это «Средиземноморье», «Балканы», «Кавказ», «Скандинавия», «Прибалтика», в которых на природно-ландшафтной основе в процессе социогенеза сложилось определённое культурно-историческое единство.

В основе регионализации, а, следовательно, и региональной солидарности обычно лежат самые очевидные критерии. Например, традиционно выделяются западная и восточная части пространства как элементы социальной целостности, каждый из которых обладает таким уровнем специфических свойств, который позволяет их не только сопоставлять, но и противопоставлять. Одна из глобальных тенденций заключается в том, что классическая антитеза Запад–Восток всё чаще заменяется другой антитезой — Север–Юг. В Европе этот критерий регионализации уже оформился в виде «Южного измерения» и «Северного измерения». В свете изменений, происшедших за последнее десятилетие, понятие «Северная Европа» стало значительно более широким и многомерным, чем раньше. Было бы естественно рассматривать и традиционные северные страны и государства района Балтийского моря как взаимосвязанные составляющие единого региона, отличающегося от других не только общими экономическими интересами, но и общим природным и социально-культурным ландшафтом. Региональная идентичность этого региона характеризуется как «неевропейская, некатоллическая, не связанная с римским историческим наследием, не колониальная, не тяготеющая к эксплуатации, склонная к географически малым формам, миролюбивая, преимущественно социал-демократическая» (Tiilikainen Teija. *The Political Implications of the EU Enlargement to the Baltic States // European University Institute Working Paper RSC. № 1, 2001, p. 21*) В общественном мнении стран Северной Европы всё больше укрепляется понимание того, что в североευропейское пространство должен входить Северо-Запад России, который исторически и экономически примыкает к региону Балтийского моря.

Северо-Запад России — это 18% разведанных запасов нефти и 23% разведанных запасов газа России. В этой части России сконцентрирован основной интеллектуальный, промышленный, культурный потенциалы, значительные запасы природных ресурсов, здесь развита инфраструктура транспорта и связи. Это хорошо понимают наши соседи, по инициативе которых в 1997 году возник межгосударственный проект «Северное измерение», ставший официальной политикой Евросоюза. Тогда

же родилась и Североευропейская инициатива США, в которой зафиксированы их долгосрочные интересы к наиболее ресурсному региону Европы. И «Северное измерение» и Североευропейская инициатива оценивают Северо-Запад России как приоритетный регион для этих стратегий. Этот регион вызывает растущий интерес в Канаде, Японии, Китае.

Северо-Запад России вместе со странами Скандинавии и Балтии должен рассматриваться сегодня как приоритетная и перспективная зона для экономического роста Европы. И в достижении этой цели регион Балтийского моря — неоценимая промежуточная зона между Россией и остальной Европой, между православной и протестантской цивилизациями. Через Балтийское море российский транзит идёт более тысячи лет, меняется только товар — сначала мёд, воск, соль, сегодня нефтепродукты, завтра контейнеры. Но неизменен такой неисчерпаемый ресурс этого региона, как его географическое положение. И чем больше этот ресурс эксплуатировать, тем богаче он становится.

Как историческое понятие «регион Балтийского моря» впервые появилось во времена Ганзейского союза, к торговой системе которого относились и русские города Северо-Запада Руси, в том числе Великий Новгород и Псков, где имелись фактории ганзейцев. Региональное торгово-экономическое объединение балтийских городов во главе с немецким Любеком возникло на основе немецкого купеческого товарищества, существовавшего в 1367 году. XIV и первая половина XV века — период наибольшего расцвета Ганзейского Союза, в который тогда входили более 90 городов, в том числе Кенигсберг, Ревель, Нарва, Дерпт, Рига, Новгород, Псков, объединённых общей христианской культурой. Экономическая роль Ганзейского Союза заключалась в монопольном посредничестве между производящими районами Северной, Западной, Восточной и отчасти Центральной Европы и даже Средиземноморья. Следовательно, функции этого региона в Европе с тех пор не изменились.

Фландрия, Англия, Северная Германия поставляли сукна, Англия и Скандинавия — металлы, Северная Франция — утварь, предметы роскоши, Италия — шёлк, ткани, стекло, Русь — пушнину, соль, воск, хлеб, пеньку, Швеция — медь, Норвегия — рыбу. Ганзейские купцы взяли в свои руки транзитные услуги со всей инфраструктурой, используя успехи немецкой колонизации в Прибалтике и славянских странах (на Южном и Восточном побережье Балтийского моря).

Система торговых отношений Ганзейского Союза опиралась на несколько центров в основных производящих странах Европы. Сначала это был Брюгге, а затем — с 1553 г. — Антверпен, (Фландрия), Берген (Норвегия), Новгород, Данциг, Лондон, Венеция и др. Основным перевалочным пунктом на сухопутном и речном пути между Балтийским и Северным морями был Любек — политический центр Ганзейского Союза, в котором собирались съезды ганзейских городов. Власть в ганзейских городах находилась в руках купеческого патрициата, прототипа современного Международного Конгресса промышленников и предпринимателей.

Ганзейский Союз оказал значительное влияние на социально-экономический прогресс этого региона. Он стимулировал развитие текстильной, горнодобывающей промышленности, а, главное, он расширял коммуникации, создавал свою предпринимательскую культуру, стимулировал бурное развитие городов, просвещения. В ганзейский период появились первые в этом регионе университеты — Упсальский

(1477 г.), Копенгагенский (1479 г.), Тартуский (1632 г.). Во время своего расцвета в XIV–XVI веках это был самый богатый и благополучный регион Европы. Успехи в развитии ганзейских городов ещё раз подчёркивают эффективность регионального сотрудничества. Ганзейский союз был первым в истории Европы торгово-экономическим объединением. Однако бесконечные войны, сотрясавшие тогда Европу, и, прежде всего, тридцатилетняя война 1618–1648 гг., в которой кроме Германии активное участие принимали Дания и Швеция (сюда же входила русско-польская война 1632–1634 гг.), постепенно привели к его упадку Ганзейского Союза.

В середине XX века Европа, уставшая от войн, вступила в мирное развитие. На протяжении долгих лет уникальный опыт Ганзы не был востребован. Сегодня, наконец, пришло время вспомнить о Ганзейском союзе, который являет собой редкий образец долгосрочного и эффективного объединения, где все действия сторон были подчинены идеям сотрудничества и развития.

И сегодня Балтийский регион — самый динамично развивающийся регион Евросоюза. Рост ВВП в 2006 г. в ЕС в целом — чуть более 2%, в Латвии — 10%, в Литве — 8,5%, в Эстонии — 7,6%. Около 40% российского экспорта и третья часть всей нашей внешней торговли осуществляется через государства Балтии. Да и они сами импортируют из России кроме энергоресурсов и сырья, пока ещё достаточно широкий ассортимент товаров. Несмотря на последовательный прессинг радикально настроенных политиков с обеих сторон, экономическое сотрудничество России со странами Балтии набирает обороты. После вступления стран Балтии в ЕС резко возрос в них объём российских инвестиций, увеличивается количество совместных предприятий (только в Калининградской области их более 500), совместных проектов России с Латвией, Литвой и Эстонией, в том числе и грандиозного — строительство самого большого универсального морского порта в Восточной Балтике, в эстонском городе Силламяэ в 24 км от границы России.

Более тесное взаимодействие России и стран Балтии может существенно расширить предоставление транзитных услуг третьим странам и составить серьёзную конкуренцию южным транзитным коридорам. В первую очередь речь может идти о наращивании контейнерных перевозок из Азиатско-Тихоокеанского и Среднеазиатского регионов в Европу. **Сегодня Россия, наконец, осознаёт себя как транзитная страна, а свою территорию как самый короткий путь из Юго-Восточной и Средней Азии в Европу.** К сожалению, пока ещё доходы от транзита грузов через российские порты невелики. К примеру, в 2006 году они составили около 37 млрд. долларов. Для сравнения в том же году маленькая Дания получила от транзитных перевозок более 38 млрд. долларов.

Побережье Балтийского моря располагает 104 крупными морскими портами с высокоразвитой инфраструктурой, здесь сосредоточен мощный интеллектуальный потенциал, диверсифицированная промышленность, профессионально подготовленные кадры, давно отработанная логистика, а, главное, по сравнению с южными рискованными морями, безопасность транзита. Балтийский регион — самый удобный регион для сотрудничества Европы и Азии. В последние три–четыре года резко возрос сюда поток делегаций промышленников и предпринимателей из Китая, Японии и Южной Кореи, создающих здесь свои представительства.

Регион особенно ценен тем, что здесь есть все необходимые условия для взаимовыгодного сотрудничества России и ЕС — природные, технические, интеллектуальные,

финансовые, культурно-исторические и т.д., а для России ещё и наличие многочисленной когорты «еврорусских» в странах Балтии. Поэтому здесь нет необходимости в каких-то особых затратах и усилиях. Нужно только суметь договориться, и, главное, деполитизировать совместный бизнес.

В этом плане опыт средневековой Европы является поучительным. Но должно было пройти почти три столетия, прежде чем в Европе появился первый экономический союз государств. В 1951 году шесть стран континента — Бельгия, Германия, Франция, Италия, Голландия и Люксембург — учредили Европейское сообщество угля и стали, в основу которого вновь легли ганзейские принципы свободной торговли и согласования интересов. Шесть лет спустя в Риме учреждается Европейское экономическое сообщество, положившее начало Евросоюзу.

И в ближайшем, и даже в отдалённом будущем слишком большая по размерам Россия вряд ли станет членом ЕС. Но это не является препятствием к сотрудничеству, в котором заинтересованы в равной мере и Россия, и Евросоюз. Однако Норвегия также не является членом ЕС, и это не мешает ей быть его торгово-экономическим партнёром. Но для эффективной реализации потенциала российско — евросоюзовского партнёрства необходимо использовать всё многообразие форм. Современная тенденция регионализации, которая отмечена в начале доклада, открывает широкие возможности для возрождения Нового Ганзейского союза, что полностью соответствует как целям объединяющейся Европы, так и стратегическим целям Российской Федерации.

По сравнению с прежним новый союз будет иметь ряд преимуществ, хотя бы потому, что в Балтийском регионе появились и новые участники — три страны Балтии и Финляндия, а Россия обзавелась собственными морскими портами. Помимо Санкт-Петербурга — это Выборг, Усть-Луга, Батарейная, Приморск и Калининград. Особенно следует подчеркнуть значение Калининградского эксклава. Здесь ещё один источник развития региональной экономической солидарности. Масштабы области дают ей ощутимые преимущества для этой роли. Малые размеры эксклава, с одной стороны, снимают опасения у наших западных соседей по поводу «имперских амбиций России», а с другой, создают возможность для России «обкатать» на практике отношения с Евросоюзом в условиях «опытного производства», исключающего большие потери при неудаче. Другими словами, эксклав становится действующей моделью сотрудничества России и ЕС, своеобразным «тест-сайтом» этого процесса. Таким образом, расширение ЕС на Восток, которое происходит в последние годы, превращает Калининградскую область в идеальный полигон для апробации вариантов сотрудничества России с Евросоюзом.

Традиции скандинавских государств, не воевавших уже в течение последних двух веков, более чем полувековой опыт сотрудничества Финляндии и России создают особый социальный климат региона. Наличие многочисленных современных морских портов, развитой производственной инфраструктуры, многопрофильной промышленности, оснащённой современной технологией, и мощного интеллектуального потенциала в государствах Балтийского моря, делает этот регион одним из самых перспективных в международном разделении труда. Сегодня годовой объём товарооборота между Европой и Азией приближается к триллиону долларов. Но, к сожалению, пока только малая часть грузопотоков проходит через Балтийское

море. Это означает, что есть возможности резко увеличить экономическое значение региона в мировой системе разделения труда, но для этого внутренняя конкуренция должна отойти на задний план, уступив место более масштабным задачам. Цена каждого дополнительного процента межконтинентального грузооборота через Балтику составляет уже сегодня около 10 миллиардов долларов в год. Отсюда актуализация проблемы внешних конкурентов Балтийского региона. Она становится более приоритетной, чем внутренняя конкуренция. То есть, для ускорения экономического роста государства Балтийского моря должны консолидироваться.

Уже сделаны первые шаги в этом направлении. В 1980 году в Германии по инициативе жителей Любека была создана добровольная общественная организация — Ганзейский союз нового времени (ГСНВ), членами которого сегодня являются около 150 городов из 14 стран, в том числе вступивший в это объединение в 1993 году Новгород — первый официальный член этого объединения от России. В 2000 году была завершена реставрация памятника XII века — Новгородского Никольского собора, 50% стоимости которой финансировал ГСНВ. Летом 2009 года в Новгороде планируется провести ежегодный фестиваль — «ганзейские дни». В последнее время возникают и другие инициативные неправительственные организации в рамках Балтийского региона. Рост и масштабы деятельности неправительственных региональных объединений актуализуют создание регионального объединения — теперь уже на уровне правительств заинтересованных стран — Нового Ганзейского Союза, что будет эффективной и своевременной формой сотрудничества России и Евросоюза.

Об авторах

Александров Олег Борисович — к.полит.н., доцент кафедры МО и ВП России МГИМО (У) МИД России

Воронков Лев Сергеевич — д.и.н., профессор кафедры европейской интеграции МГИМО (У) МИД России, в.н.с. Центра североευропейских и балтийских исследований ИМИ МГИМО (У) МИД России

Воронов Константин Валентинович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ЦЕИ ИМЭМО РАН

Комаров Алексей Алексеевич — к.и.н., ведущий научный сотрудник Института Всеобщей Истории РАН, руководитель Центра Истории Северной Европы и Балтии Института Всеобщей Истории РАН

Орешенков Александр Михайлович — к.ю.н., советник ДКС МИД России

Симонян Ренальд Хикарович — профессор, доктор социологических наук, руководитель Российско-Балтийского центра Института социологии РАН, в.н.с. Центра североευропейских и балтийских исследований ИМИ МГИМО (У) МИД России

Чеканский Анатолий Николаевич — Директор Центра североευропейских и балтийских исследований ИМИ МГИМО (У) МИД России, заведующий кафедрой скандинавских, финского, нидерландского и греческого языков МГИМО (У), доцент, к.и.н.